

ТАКУВОКУ

ИСИКАВА ТАКУВОКУ

ЛИРИКА

Издательство
«Детская
литература»

ИСИКАВА ТАКУБОКУ

ЛИРИКА

*Перевод с японского
Веры Марковой.*

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1981

И (Яп)
Т 15

**Составление, предисловие
и примечания**

В. МАРКОВОЙ

Художник

Л. БИРЮКОВ

70803—220

Т-----281—81

М101(03)81

© Состав. Предисловие. Примечания.
Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исика́ва Такубо́ку (1885—1912) — один из самых любимых поэтов Японии. Многие его стихи стали народными песнями. Высокая честь для поэта. В них живут прекрасные образы родины. «Мать поет эти песни над колыбелью ребенка. Так они переходили от поколения к поколению, пока не стали песней всей Японии», — сказал известный японский литературовед.

Книга пятистиший — танка «Горсть песка» Исикава Такубоку начинается знаменитым стихотворением:

На песчаном белом берегу
Островка
В Восточном океане
Я, не отирая влажных глаз,
С маленьким играю крабом.

Эти пять строк — маленькая повесть о «юношеских страданиях», овеянная грустной романтической прелестью. Танка по самой своей сути не допускает подробного рассказа, и все же Такубоку сумел в немногих словах сказать так много, что ничего нельзя прибавить, да и не нужно.

Машинально, чтобы заглушить свою печаль, молодой поэт играет с маленьким крабом, не давая ему убежать и зарыться в песок. Выбеленные солнцем пески и огромное пространство моря, откуда всё набегают и набегают волны, — кажется, что в мире ничего больше нет. . . Рождается острое чувство одиночества и незащищенности.

Но море не только подавляет своей величиной, в его дали словно скрыта волнующая неизвестность будущего. Человек не просто мал, в нем тоже могут быть скрыты огромные горизонты. Вот почему печаль поэта, как облако, подстелена светом. Ему трудно, но он еще стоит на пороге жизни, и в самой его печали слышен голос времени: это романтическая поэзия молодой Японии начала нашего века, это ее «парус одинокий». . .

Маленький краб на берегу; горсть песка, который, шурша чуть слышно, сыплется меж пальцев, сломанный ствол дерева, песчаный холм — в этих грустных образах живет свежесть моря. Они были новы для японской поэзии и своей новизной разрывали сеть поэтических условностей.

Демократ и гуманист, создатель новой японской поэзии, основоположник реализма в японской литературе, Исикава Такубоку прожил недолгий век и остался в памяти людей вечным юношей. Но его творческое наследие велико и многогранно: сборники стихов, романы, критические и публицистические статьи и очерки, дневники высокой художественной ценности, письма. . . Полные собрания сочинений Такубоку выходят во многих томах. Повсюду, в поэзии и прозе, он — новатор, устремленный к будущему, выразитель дум и чаяний передовой молодежи своего времени.

Исикава Такубоку стремился правдиво и верно изображать действительность. В коротких пятистишиях —

танка длинной цепью проходят трагические судьбы его современников.

Предельно трагична и собственная судьба поэта. Но в душную пору реакции и политических преследований он верил, что светлое завтра придет, если не для него самого, то для его народа, для всего человечества, и прозревал в черных ночах Токио зарницы грядущей революции.

Он внимательно следил за успехами революционного движения в России. Приветствуя восстание матросов на броненосце «Потемкин», Такубоку назвал его «Кораблем свободы».

Россия для Такубоку была светом и надеждой, его душевной опорой. Даже на смертном одре, умирая от туберкулеза и безнадежной нищеты, он тратил последние гроши на русские книги о революции.

Русское имя

Соня

Я дал дочурке своей,

И радостно мне бывает

Порой окликнуть ее.

* * *

Исикава Такубоку родился в деревне Сибутами. Находилась эта деревня на северо-востоке главного острова Японии — Хонсю, возле города Морнока, в префектуре Иватэ.

Поэт посвятил деревне Сибутами свои самые проникновенные, согретые горячим чувством лирические строки. Любовь к ней он пронес сквозь всю жизнь. Ныне там на речном берегу, «где так мягко ны зеленеют», стоит мемориальный камень. На нем можно

прочсть пятистишие Такубоку. Ставить камни с вырезанными на них стихами в местах, воспетых поэтами, хороший японский обычай.

Поэт был единственным, долгожданным сыном в семье и получил при рождении имя Хадзимэ («Первенец»). Такубоку — литературный псевдоним. Отец поэта происходил из многодетной крестьянской семьи. Он был пасынком, и в детстве его, как лишний рот, отправили в буддийский монастырь. Он стал священником и с трудом получил небогатый приход, который у него всячески старались оттягать.

Такубоку рос в сельском храме. Вокруг высились горы, возле храма зеленела роща, где часто пела кукушка. Голос ее будет слышаться поэту в далеком Токио. Детство поэта — самая радостная пора в его жизни. Родители любили его и баловали. Им посвятил поэт самые свои проникновенные и грустные стихотворения: отцу, который на старости лет стал нищим бродягой, и матери, такой иссохшей и легкой, что сын плачет, подняв ее на спину.

Северо-восток Японии плохо кормит земледельцев. Деревня Сибутами была одним из «гиблых уголков» страны.

Дома, крытые камышом и соломой, закопчены дымом: очаги топились по-черному, дым выходил через отверстие в крыше. Небогатая утварь, на полу циновки — вот и все убранство.

Крестьяне, опутанные сетью долгов, жили в страхе перед помещиками, займодавцами, полицейским произволом. Нелегко приходилось и сельской интеллигенции: врачам, учителям. Родной деревне посвящен второй раздел цикла — «Дым» в книге «Горсть песка». Эти стихи Такубоку читаются как повесть о народном горе.

Школьные годы поэта прошли в городе Мориока, неподалеку от родной деревни.

В гимназии царили рутина, формалистика, но ученики читали и горячо обсуждали прогрессивные книги и газеты. У юного Такубоку возникли общественные и литературные интересы.

Когда свинцовые копи Асио отравили воды реки, среди местных крестьян распространились тяжелые заболевания. Крестьянская делегация, развернув рогажные знамена, пошла с петицией в Токио, но по дороге напала полиция и учинила кровавую расправу. Случилось это в 1902 году. Такубоку продавал на улице газеты, чтобы помочь пострадавшим. Участвовал он и в школьной забастовке. Это были его первые опыты общественной борьбы. Одновременно он начал писать стихи в новом романтическом духе.

* * *

Конец XIX века был ознаменован в японской поэзии (как и в прозе) стремительным развитием романтизма. Романтики «первого призыва» Китамура Тококу (1868—1894), Симадзаки Тосон (1872—1943) стали властителями дум молодого поколения.

«Все словно опьянены светом, новыми звуками и мечтами. Юное воображение очнулось от долгого сна и припало к источнику народной речи», — писал Симадзаки Тосон в предисловии к своей книге романтических стихов «Молодая поросль» (1897).

Старинная классическая поэзия Японии создала искусство лирической миниатюры: танка и хокку. «Танка» значит «короткая песня». Читают ее по-особому напевно, она родилась из народной песни и, перейдя в литературу, не лишилась своей гармонически-музыкальной основы.

Конечной рифмы японская литературная поэзия почти не знает, но звуки в танка как бы перекликаются и поют.

Трехстишие — хокку (или хайку) — еще короче, предел сжатости и лаконизма. Искусство писать пятистишия и трехстишия своеобразно национальное, японское, оно создавалось веками, но, как всякое подлинное искусство, легко находит отклик и у других народов.

Поэты-романтики нового времени нашли в европейской поэзии свежий источник вдохновения и стали создавать стихи большой формы. Появились «длинные» стихи, новые строфы и ритмы.

Юный Исикава Такубоку изучал английский и немецкий языки и знакомился с европейскими поэтами в оригинале. Молодым людям Японии была близка свободолобивая поэзия Шелли, Байрона, Шиллера.

Русская поэзия была тогда еще мало известна в Японии, но русские романы (в японских и английских переводах) имели огромный успех у читательской молодежи. Исикава Такубоку любил Толстого, Тургенева, Горького.

В молодом Такубоку рано проснулась поэтическая одаренность.

Первые свои поэтические опыты Исикава Такубоку послал в столичный журнал «Утренняя звезда».

В 1902 году на его страницах было опубликовано стихотворение юного начинающего поэта:

Оставив песни,
Окрашенные кровью,
На память миру,
Бреду по мертвым полям.
Как громко стонет осень!

В Токио заметили талант юноши и посоветовали ему помимо пятистиший писать стихи большой формы.

Ободрительные слова известных поэтов произвели на Исикава Такубоку большое впечатление. Ему показалось, что перед ним приотворилась дверь в большую литературу. Порывистый, горячий юноша оставил школу за полгода до окончания. В Токио! Там он будет жить литературным трудом.

В столице Такубоку встретил некоторое признание, но почти не нашел поддержки. Правда, с помощью земляков удалось издать поэтический сборник «Стремления» (1905). Это книга «длинных» стихов, еще не вполне зрелая, «юношеская», но есть в ней стихотворения удивительной силы и красоты.

«Стремления» написаны в духе мечтательной романтической поэзии. Это углубленные раздумья о вечности на лоне таинственной природы, голос которой так же непонятен, как звон потонувшего колокола. В книге выделяется своим энергичным тоном прекрасное стихотворение «Памяти адмирала Макарова». В нем поэт славит память «доблестного врага», предчувствуя «зарю неистребимой жизни», которая когда-нибудь будет светить человечеству.

Нужна была большая смелость, чтобы воспеть русского героя в разгар войны с Россией. Пройдет еще немного времени, и, прочитав антивоенные призывы Льва Толстого, Такубоку станет убежденным противником войны.

В Токио его настигла весть, что отец отрешен от должности и семья лишилась средств к существованию. А между тем уже был назначен день свадьбы. Такубоку стал теперь единственным кормильцем большой семьи; на его руках родители, жена, сестры. Судьба поэта круто переломилась.

Исикава Такубоку вернулся в родную деревню и стал преподавать в местной школе. Для него работа учителя — священное дело: учитель «сеет искры будущего пламени».

После уроков Такубоку собирал у себя учеников и доверительно, как старший брат, беседовал с ними о французской революции, о революционных событиях в России, играл для них на скрипке. Все это не понравилось директору школы. «Меня считали смутьяном, а я был строителем душ», — сказал Такубоку, вспоминая это время.

Ученики под руководством Такубоку хором пели «Песню борьбы» и даже объявили школьную забастовку протеста. Такубоку уволили, и он навсегда покидает Сибутами. Отныне он повсюду будет чувствовать себя изгнанником.

Весной 1906 года Исикава Такубоку уехал на северный остров Хоккайдо, где провел около года в почти непрестанных скитаниях. Этому его путешествию посвящен в «Горсти песка» цикл стихов «Те, которых мне не забыть».

Сначала поэт поселился в городе Хакодате. Там он нашел место учителя, сотрудничал в местном журнале. В школе поэт встретил молодую учительницу и любил ее. Он не сказал ей ни слова о своей любви, но долго не мог забыть девушки, дом которой стоит в яблонево-м саду («Те, которых мне не забыть», второй раздел).

Вскоре, однако, случилось несчастье: город Хакодате был почти полностью уничтожен пожаром. Поэт переезжает в город Саппоро, оттуда в Отару и, наконец, в самый северный город Японии — Кусиро.

Остров Хоккайдо в то время еще только заселялся. Туда уезжали люди, которые на родине не могли про-

кормиться, — и встречали новые бедствия. Такубоку говорит о переселенцах:

Невесело
На улицах Отару,
Нет, никогда не пели эти люди!
Как грубы
Голоса у них.

Снежные просторы острова, тополя и яблони — все здесь напоминало не японский, а русский пейзаж. В поезде Такубоку читал повесть своего любимого Тургенева, «этого доброго великана».

Работая журналистом в местных газетах и журналах, поэт близко познакомился с жизнью современной Японии. Именно там, на Хоккайдо, сформировалось его революционное мировоззрение.

В Отару он был свидетелем забастовки портовых рабочих и встречался с деятелем демократического движения простых людей» известным социалистом Нисикава Кодзиро.

«Спорили о революции, обсуждали вопросы освобождения личности», — записал в своем дневнике (9 января 1908 г.) Такубоку. В тот вечер к нему пришел, «...ладонью отирая снег с лица, запорошенного метелью», один из его новых друзей, «сторонник коммунизма».

На Хоккайдо неблагоприятные судьбы людей были до предела обнажены. Среди молодежи царил идейный разброд, некоторые теряли надежду, опускались. «Люди, лишённые цели, собираются, пьют вино», — сказал о них Такубоку в «Горсти песка».

Большой жизненный материал требовал воплощения в искусстве. На Хоккайдо Такубоку узнал о том,

что в японской литературе появилась «натуралистическая школа». То был, по существу, молодой, еще не окрепший критический реализм.

«В поисках хлеба насущного я забирался все дальше на север, но даже и там до ушей моих отчетливо донесся голос молодого движения, которое сразу восторжествовало как в идеологии, так и в литературе, — вспоминает Такубоку в своей статье «Стихи, которые можно есть». — Разочарование в поэзии пустых мечтаний и приобретенный жизненный опыт помогли мне воспринять дух этого нового движения. У меня возникло своеобразное чувство: точно я откуда-то издалика, с вершины темной горы наблюдаю, как в покинутом мною доме занялся и быстро разгорается пожар. . . Свободная область прозы! Я еще не знал, о чем буду писать, но уже, полный смутных замыслов, томился в тоске по небу далекого Токио».

Исикава Такубоку снова решился на смелый шаг. Весной 1908 года он покинул город Кусиро, где ценили его литературный талант, и устремился в Токио.

В столице Такубоку, запершись в комнатухе дешевой гостиницы, создал несколько повестей, но издатели брали их неохотно и платили гроши. Вершиной художественной прозы Исикава Такубоку считаются «Дневники, написанные латинскими буквами». Для печати они не предназначались и изданы посмертно. Дневники эти не устарели до наших дней и звучат очень современно.

Он продолжает писать стихи, но уже по-новому.

В статье «Стихи, которые можно есть» Такубоку требовал от поэзии, чтобы она была нужна людям, как повседневная пища. Он по-прежнему хотел быть строителем душ. Поэзия стала для Такубоку подвигом его жизни.

В конце 1910 года вышел в свет сборник пятистиший «Горсть песка». Эта книга — гордость японской поэзии.

«Есть особые мгновенья, они не повторяются дважды, — писал Такубоку, — я с любовью вспоминаю эти минуты. Мне не хочется, чтобы они прошли напрасно. Лучше всего их можно выразить при помощи такого короткого стихотворения, как танка... Я пишу танка, потому что я люблю жизнь».

Поэт-новатор ищет новые ритмы. В старой японской поэзии понятия «стих» и «строка» неравнозначны. Стихотворение писали «в столбик», не разделяя ни слов, ни строк. Такубоку стал графически делить пятистишие на три строки. В каждой из них, таким образом, могли содержаться один, или два, или три стиха. Японская поэзия слоговая, в основе метра счет слогов. Схема пятистишия: 5—7—5—7—7 слогов. Стихи короткие, длинное слово может занимать целый стих. Каждое слово на счету.

Разделяя привычный «столбик» на отрезки, Такубоку выделял особо важные по смыслу и чувству стихи и делал их «более ударными». Сохранились автографы, где деление стихов еще более дробно: пять стихов — пять строк. (Именно это деление и принято в русском переводе.)

Он ввел в пятистишия тонкие ритмические ходы, которые приблизили стихотворную речь к простой, естественной, разговорной речи. «Иногда кажется, что он, забывшись, говорит сам с собой, как будто переводит дыхание», — пишет о Такубоку один из его друзей-поэтов. Стих Такубоку пульсирует живым ритмом крови, ничего от декламации!

Часто поэт говорит так предельно просто, что кажется, в его стихах нет никакого искусства. Но просто-

та эта обманчива, недаром подражатели Такубоку неизменно терпели неудачу.

Пятистишия Такубоку — книга жизни поэта. Порой это грустные и нежные воспоминания, а иногда беспощадно острый «репортаж времени». Стихи Такубоку в пору расцвета его творчества — это сгустки подлинной действительности.

Исикава Такубоку — мастер психологического самоанализа. Он хочет знать правду о себе, только правду, проникая в самую суть сложных и часто противоречивых состояний души. Беспощадно, с жестокой иронией он преследует в себе малейшую тень неосознанной фальши, рисовки. Психологический анализ Такубоку предвосхищает многие достижения современной литературы.

Сознание лирического героя в поэзии Такубоку негармонично, оно расколото глубокими трещинами, потому что окружающий мир разорван противоречиями и контрастами, а те действенные силы, которые смогут в будущем восстановить утраченную гармонию, вызревают слишком медленно.

Исикава Такубоку продолжал писать до самых своих последних дней. Вторая книга пятистиший «Грустная игрушка» была издана уже после его смерти. Это полный драматизма рассказ о том, как неотвратимо надвигается гибель. Он работал корректором в газете «Асахи», время от времени его стихи, повести, статьи появлялись на газетных и журнальных страницах, но оплата была нищенской.

Поэт заболел туберкулезом. Ослабевший, он зачастую должен был ходить на работу пешком, потому что не было денег на трамвайный билет. Он лежал в жару, а не на что было купить порошок аспирина. Грозный недуг — туберкулез — поразил всю его семью.

Умерла мать, заболела жена. Сын родился слабеньким и вскоре умер.

Даже тяжело больной, Такубоку не терял связи с действительностью, он оставался участником большой жизни.

Одновременно с «Грустной игрушкой» Исикава Такубоку создал поэтический сборник «Свист и свисток». В нем с наибольшей силой выражено революционное мировоззрение Такубоку, его мечта о народном счастье и поиски путей к нему. Стихи написаны свободно, раскованно. Слышны голоса спорящей молодежи, выкрики «В народ!» (русское слово написано латинскими буквами). «Призывные свистки в густом тумане» — вот так звучат для Такубоку первые голоса революции.

«Свист и свисток» — правдивое, небывалое по смелости свидетельство о первых шагах еще неокрепшего революционного движения.

Революционеры в Японии были еще одиноки, но Исикава Такубоку понимал, какая великая сила рабочий класс. Замечательное стихотворение «Надгробная надпись» проникновенно рисует образ рабочего-революционера.

В 1910 году в Японии произошло событие, которое глубоко потрясло поэта.

Реакционное монархическое правительство Японии испугалось подъема революционного движения и решило одним ударом избавиться от его идейных вождей. По обвинению в том, что они якобы собирались убить императора, были арестованы и казнены Котоку Сюсуй — передовой политический деятель, социалист, талантливый писатель, и с ним одиннадцать его друзей-сподвижников, среди них — женщина.

В стране поднялась волна возмущения. Исикава Такубоку с помощью одного своего друга адвоката

ознакомился с материалами сфабрикованного процесса и написал статью со страстным протестом. Напечатать ее не удалось. «Отныне я — убежденный социалист», — отметил он в дневнике.

В январе 1912 года, услышав о забастовке трамвайщиков, поэт с радостью подумал, что это начало конца старой Японии, революция близится. «Я жду этот день с таким нетерпением, с каким ожидаешь, томясь от мучительной жажды, когда же, наконец, чайник нагреется до кипения и из него вырвется пар».

Надежда никогда не оставляла Такубоку. Он знал, что обречен, но думал не о себе, а о своем народе. И японский народ ответил Такубоку благодарной любовью.

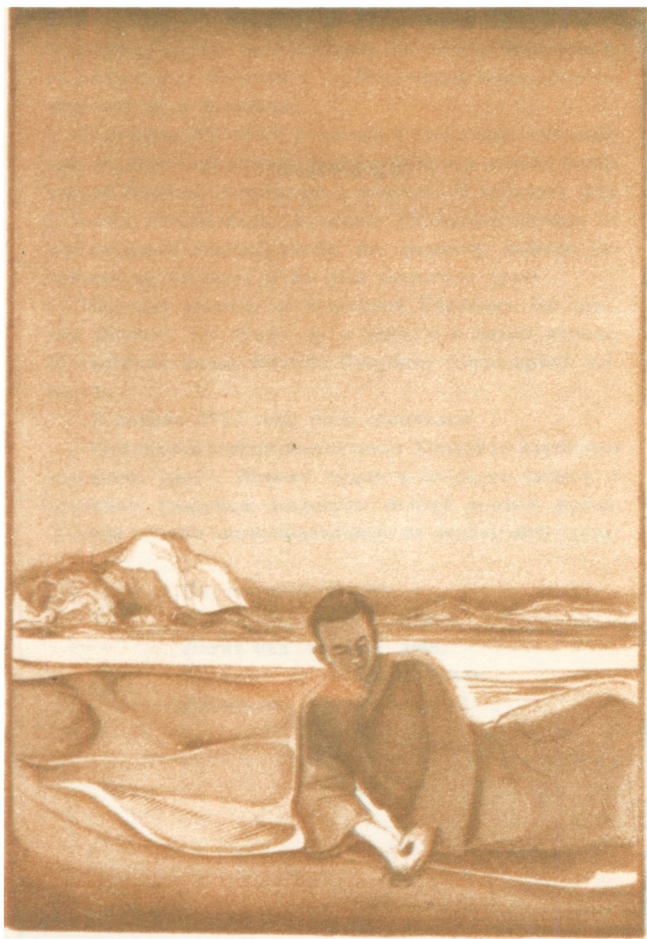
13 апреля 1912 года поэт скончался.

На морском побережье острова Хоккайдо поставлен памятник поэту. Юноша сидит в сосредоточенном и глубоком раздумье, подперев голову тонкой рукой. И люди читают выгравированные на постаменте слова:

На северном берегу,
Где ветер, дыша прибоем,
Летит над грядюю дюн,
Цветешь ли ты, как бывало,
Шиповник, и в этом году?

В. Маркова

Из книги
«ГОРСТЬ ПЕСКА»

ПЕСНИ О ЛЮБВИ К СЕБЕ

* * *

На песчаном белом берегу
Островка
В Восточном океане
Я, не отирая влажных глаз,
С маленьким играю крабом.

* * *

О, как печален ты,
Безжизненный песок!
Едва сожму тебя в руке,
Шурша чуть слышно,
Сыплешься меж пальцев.

* * *

Там, где упала слеза,
Влажное
Зерно из песчинок.
Какой тяжелой ты стала,
Слеза!

* * *

Могу ли забыть
Того, кто, не смахивая слезы,
Бегущей по щеке,
Показал мне,
Как быстро сыплется горсть песка.

* * *

К песчаным холмам
Прибит волною сломанный ствол,
А я, оглядевшись вокруг,
О самом тайном
Пытаюсь хотя бы ему рассказать.

* * *

Перед огромным морем
Я один.
Уже который день,
Как только к горлу подступают слезы,
Из дома ухожу.

* * *

На песчаном холме
Я долго лежал
Ничком,
Вспоминая далекую боль
Первой моей любви.

* * *

Сто раз
На прибрежном песке
Знак «Великое» я написал
И, мысль о смерти отбросив прочь,
Снова пошел домой.

* * *

С досадой
Мать окликнула меня,
Тогда лишь, наконец, заметил:
По чашке палочками
Я стучу, стучу. . .

* * *

Под вечер без огня сидел я
И вдруг гляжу:
Выходят из стены
Отец и мать,
На палки опираясь.

* * *

Я в шутку
Мать на плечи посадил,
Но так была она легка,
Что я не мог без слез
И трех шагов пройти!

* * *

Без цели
Я из дома выхожу,
Без цели
Возвращаюсь.
Друзья смеются надо мной.

* * *

Словно где-то
Тонко плачет
Цикада...
Так грустно
У меня на душе.

* * *

Я зеркало взял,
Стал строить
Гримасы на сто ладов —
Какие только умел...
Когда устал я от слез.

* * *

Слезы, слезы —
Великое чудо!
Слезами омытое
Сердце
Снова смеяться готово.

* * *

«И лишь из-за этого
Умереть?»
«И лишь ради этого
Жить?»
Оставь, оставь бесполезный спор.

* * *

Чтобы стало на сердце легко!
Такой бы найти
Радостный труд!
«Завершу его
И тогда умру», — я подумал...

* * *

Ночное веселье
В парке Асакуса,
Вмешался в толпу.
Покинул толпу
С опечаленным сердцем.

* * *

Когда, как редкий гость,
Приходит в сердце
Тишина,
Легко мне слушать
Даже бой часов.

* * *

Я взошел на вершину горы.
Невольно
От радости
Шапкой взмахнул.
Снова спустился вниз.

* * *

А где-то спорят люди:
Кто вытащит
Счастливого жребий?
И мне бы с ними
Потягаться.

* * *

Хотел бы в гневе
Вдребезги вазу разбить!
Разбить бы сразу —
Девяносто девять —
И умереть.

* * *

В трамвае
Встречается мне каждый раз
Какой-то коротышка,
Впивается хитрющими глазами...
Я начал опасаться этих встреч.

* * *

Перед лавкой зеркал
Я вдруг удивился...
Так вот я какой!
Обтрепанный,
Бледный.

* * *

Я в дом пустой
Вошел
И покурил немного...
Мне захотелось
Одному побыть.

* * *

Не знаю отчего,
Я так мечтал
На поезде поехать.
Вот — с поезда сошел,
И некуда идти.

* * *

Зарыться
В мягкий ворох снега
Пылающим лицом...
Такой любовью
Я хочу любить!

* * *

Руки скрестив на груди,
Часто думаю я теперь:
«Где он, враг-великан?
Пусть выйдет,
Попляшет передо мной!»

* * *

Зевнуть бы,
Не думая ни о чем,
Как будто бы пробудился
От долгого,
От столетнего сна.

* * *

Белые руки,
Большие руки...
Все говорят про него:
«Какой он необычайный!»
И вот — я встретился с ним.

* * *

С легкой душою
Хотел я его похвалить,
Но в сердце самолюбивом
Глубоко таилась
Печаль.

* * *

Льется дождь —
И в доме моем
У всех
Такие туманные лица...
Хоть бы дождь скорей перестал!

* * *

Я похвалой польщен?
Нет, гнев меня берет.
Как грустно
Знать себя
Уж слишком хорошо!

* * *

Прошла веселая пора,
Когда любил я
Вдруг постучать
В чужую дверь,
Чтоб выбежали мне навстречу.

* * *

Вчера держался я на людях,
Как избранный
Властитель дум,
Но после на душе ---
Такая горечь!

* * *

Непригодный к делу
Поэт-фантазер,
Вот что думает он про меня.
И у него-то, как раз у него
Мне пришлось попросить займы.

* * *

«То хорошо
И это хорошо!» —
Иные люди говорят.
Завидна мне
Такая легкость духа.

* * *

Как весело слушать
Могучий гул
Динамо-машины.
О, если б и мне
Так с людьми говорить!

* * *

Когда приходится служить
Капризным,
Наглым самодурам,
Как страшен
Кажется весь мир!

* * *

Есть радостная,
Легкая усталость,
Когда, дыханья не переводя,
Закончишь
Трудную работу.

* * *

Застыли палочки в руке,
И вдруг подумал я с испугом:
«О, неужели наконец
К порядкам, заведенным в мире,
Я тоже исподволь привык!»

* * *

Как, впитывая воду
До отказа,
Морская губка тяжелеет,
Так чувство тяжести
В душе моей растет.

* * *

Просто так, ни за чем
Побежать бы!
Пока не захватит дыханье,
Бежать
По мягкой траве луговой.

* * *

Из дома выйду,
Словно очнусь.
Ведь есть же где-то теплое солнце...
Глубоко,
Полной грудью вздохну.

* * *

Сегодня убежала наконец,
Как зверь больной,
Не зная покоя,
Тревога. . .
Из сердца вырвалась — и убежала.

* * *

О друг мой, .
Нищего не укоряй
За то, что так жалок он.
Голодный,
И я на него похож.

* * *

Запах свежих чернил.
Вытащил пробку.
У меня, голодного, вдруг
Засосало под ложечкой. . .
Грустная жизнь!

* * *

«Пусть сгинут все,
Кто хоть единый раз
Меня заставил
Голову склонить!» —
Молился я . . .

.

* * *

Было двое друзей у меня,
Во всем на меня похожих.
Умер один.
А другой
Вышел больным из тюрьмы.

* * *

Раскрыл всю душу
В разговоре . . .
Но показалось мне,
Я что-то потерял,
И я от друга поспешил уйти.

* * *

Работай,
Работай! Что из того?
Жизнь не становится легче...
В упор гляжу я
На руки свои.

* * *

Словно будущее мое
Вдруг раскрылось
Во всей наготе.
Такая печаль —
Не забыть, не отбиться...

* * *

Большой хрустальный шар!
Ах, если б он был здесь
Перед глазами,
Чтоб, глядя на него,
Я мог спокойно думать.

* * *

Не знаю отчего,
Мне кажется, что в голове моей
Крутой обрыв,
И каждый, каждый день
Беззвучно осыпается земля.

* * *

Отряд марширующих солдат,
Я долго
На них глядел.
Как!
Ни тени печали на лицах?

* * *

Тантара-тара,
Тантара-тара,
Стучат, стучат в голове,
Падая с крыши,
Капли дождя.

* * *

Новой бумагой
Оклеили сѣдзи
В доме. . .
Словно тяжесть
Спала с души.

* * *

Вечером вдруг `
Захотелось мне написать
Длинное-длинное письмо,
Чтобы все на родине
Вспомнили обо мне с любовью.

* * *

Слова,
Неведомые людям. . .
Вдруг показалось мне —
Я знаю их
Один.

* * *

Бледно-зеленое —
Выпьешь
И станешь прозрачным,
Словно вода...
Если б такое найти лекарство!

* * *

Я сердце новое себе искал
И вот сегодня
Один бродил
По улицам глухим...
Я и названья их не знаю!

* * *

В сердце у каждого человека —
Если вправду
Он человек —
Тайный узник
Стонет...

* * *

Ребенка побранят,
И он заплачет.
О сердце детских дней,
Далекое! . .
Как мне тебя вернуть?

* * *

На камни двора
С размаху
Швырнул я часы.
О быстрый гнев
Юных дней моих!

* * *

Прямая улица уходит вдаль.
Сегодня я почувствовал
Так ясно:
На эту улицу
Я вышел наконец.

ДЫМ

I

* * *

Сегодня с силою
Внезапного недуга
Нахлынула по родине тоска.
Как грустен этот дым
На синих небесах!

* * *

Чуть слышно я себя
По имени окликнул,
И слезы брызнули...
Четырнадцать мне было
В ту невозвратную весну.

* * *

В синем небе
Тающий дым,
Одинок вдали исчезающий дым,
Ты кого мне напомнил?
Меня самого?

* * *

Я ехал в поезде,
И вдруг —
В кондукторе вагона я узнал
Товарища
Далеких школьных лет.

* * *

Мой друг
Потом покинул меня,
Но мы играли с ним
В те года,
Мы книги читали вдвоем.

* * *

Вода струей
Из насоса бьет.
Гляжу — и легко на душе.
Я мальчиком стал
На короткий миг.

* * *

Из класса нашего в окно
Я выскочил и долго-долго
Лежал один
Там, в вышине,
В тени разрушенного замка.

* * *

Густой травой поросли
Развалины замка Кодзуката. .
Я лег на траву и на небо глядел,
И небо меня унесло.
О мое сердце в пятнадцать лет!

* * *

Мне всегда хотелось свистеть,
Лишь, бывало,
На ясное небо взгляну.
О, как весело
Я свистел!

* * *

И ночью во сне
Продолжал я свистеть.
Был свист
Моей песней
В пятнадцать лет.

* * *

Первая забастовка —
Еще на школьной скамье...
Но даже при этом воспоминанье
Кровь моя теперь не кипит.
Какая печаль!

* * *

В гуще осенних трав
За школьной библиотекой
Было много желтых цветов.
Но как их зовут?
И теперь не знаю.

* * *

Едва осыплются вишни,
Первым в школе
Я надевал
Белую летнюю форму.
Неужели это был я?

* * *

Еще хоть единый раз
К перилам балкона
Прижаться,
Там, в старой школе моей,
В городе Мориока.

* * *

Один учитель
Нас крепко бранил,
Жидкой тряся бороденкой.
А мы прозвали его козлом.
А мы передразнивали его.

* * *

Здорово вместе со мною
Камнями швырял в воробьев
Мой однокашник,
Сынок
Армейского капитана.

* * *

В тени каштана
На краю дороги
С товарищем моим я жарко спорил.
Он уверял меня:
«Бог в самом деле есть».

* * *

Книги Со́хо
Давал мне читать
Один мой товарищ...
Рано
Из школы бедность его прогнала.

* * *

Помню,
Учитель рассказывал нам,
Как жизнь свою безвозвратно
Загубил один человек...
Он был слишком талантлив!

* * *

Западным ветром унесены,
Падали листья вишен
На улице Утимáру...
Любил я
Их шорох сухой под ногами.

* * *

Словно камень
Скатился
С высокой горы,
Так упал я
В сегодняшний день.

* * *

В глазах мальчишки
Зависть жила.
Вон птица летит.
Летит —
И поет.

* * *

В нашем классе
Первый лентяй, —
Как упорно
Теперь
Работает он!

* * *

Деревенский простак —
Вот как выглядел друг мой
В столице.
Трех дней не прошло,
Он вернулся домой.

* * *

По сосновой аллее
Барадзіма
Молодая девушка шла со мной.
Она так верила
В свой талант!

* * *

Когда болели глаза,
Черные надевал я очки.
Вот тогда-то я научился
Плакать так,
Чтоб не видел никто.

* * *

Сердце мое, ты опять
Втайне плакать готово!
Все друзья мои
Разбрелись,
Каждый своей дорогой.

* * *

Точно нить порвалась
У воздушного змея.
Так легко, неприметно
Улетело прочь
Сердце дней моих юных.

ДЫМ

II

* * *

Как сердцу мил
Родной деревни говор!
На станцию хожу лишь для того,
Чтобы в толпе
Его услышать.

* * *

Сердце мое
Словно раненый зверь.
Но только с родины вести придут,
Станет ручным,
Утихнет.

* * *

Когда-то
Мяч я забросил
На дощатую крышу
Начальной школы моей.
Что с ним сталося теперь?

* * *

Как с маленькой сестренкой
Расстаться было жаль!
Она просила, плача:
«Я с красными шнурами
Сандалии хочу!»

* * *

Запела флейта
Продавца амб. . .
Я вновь тебя нашел,
Потерянное сердце
Детских лет.

* * *

Груды камней
У деревенской дороги...
Верно, и в этом году
В высокой траве
Утонули.

* * *

Эти дни
Моя мать
Вспоминает деревню
Все чаще...
На пороге осень.

* * *

Сам собой, неприметно
Возвращался к деревне
Разговор...
Запах жареных моти
Осенней ночью.

* * *

Что б ни случилось со мной,
Я не забуду тебя,
Деревня моя Сибутами!
Со мною горы твои!
Со мною реки твои!

* * *

Поля продают,
Дома продают,
Пьют вино беспробудно...
Так гибнут люди в деревне моей.
Что ж сердце тянется к ним?

* * *

Как горько слышать мне,
Что эти дети,
Еще вчера мои ученики,
Уж скоро тоже
Родину покинут!

* * *

Когда на чужбине
Я встречу детей
С моей родной стороны,
То нет на свете печали такой,
Чтоб радость мою победить!

* * *

Вы перед глазами у меня,
Берега далекой Китака́ми,
Где так мягко ивы зеленеют,
Словно говорят мне:
«Плачь!»

* * *

Жена
Деревенского врача.
Все в ней прекрасно,
Даже скромный узел волос,
Туго заколотых гребнем.

* * *

Как Санта жаль, беднягу!
Брат с придурью,
Отец — калека,
А он за книгами
Все ночи напролет.

* * *

Гнедого жеребца
Я лихо погонял.
Мне помогал один приятель...
Он рос без матери,
И воровать привык.

* * *

Даже имя его
Позабыто,
А он вернулся
В деревню свою,
И бьет его кашель надсадный.

* * *

Год от году
Чахотка
Все больше косит людей...
Приехал в деревню
Врач молодой.

* * *

Светляки!
Я хотел их ловить
Над рекой,
А она меня
В горы звала.

* * *

Как светлы и верны
Мысли мои в то утро,
Когда с моей родины
Вести
Приходят.

* * *

Вдруг припомнилось мне,
Как падали, падали капли дождя
На светло-лиловые цветы
Картофеля.
Дождь в столице.

* * *

Был у нее тогда
Сильный,
Как у мужчины, дух.
Где-то она?
О чем ее думы теперь?

* * *

Ветку азалии белой
Ты сломала
В моем саду.
Чуть-чуть светил
Тонкий серп луны.

* * *

Когда в вагонном окне,
На севере — там, на краю небес,
Родные горы мои
Вдруг появились передо мной,
Я поправил почтительно воротник.

* * *

Снова иду по земле
Родной деревни моей.
Сами собою
Стали ноги мои легки.
Стало тяжелым сердце.

* * *

Вот незнакомая мне
Учительница стоит
У раскрытого настежь окна,
Там,
В старом классе моем.

* * *

В этом доме,
В этом окне
Я и Хидэко вдвоем
Слушали, как весенней ночью
Не смолкает лягушек хор.

* * *

По дороге
От станции к деревне
Поднял камешек я с земли
Под каштаном,
На речном берегу.

* * *

Я гляжу
На родные горы мои
И не в силах слова сказать,
Так прекрасны
Родные горы мои!

**ПОД ПРИВОЛЬНЫЙ ШУМ
ОСЕННЕГО ВЕТРА**

* * *

Небо родины,
Как ты далеко!
Я поднялся один
На высокую кровлю
И, печальный, спустился вниз.

* * *

Как будто положил я в изголовье
Жемчужину печали,
Сквозящую прозрачной синевой...
Всю ночь до самого утра
Я слушаю, как стонут сосны.

* * *

Божественно величавы,
Криптомерии на горе Нанайма
Пламенем вдруг запылали.
Солнце заходит.
Тишина.

* * *

Словно на грани исчезновенья,
Тонет в сумерках вечера
Все вокруг.
Отовсюду
Печаль наплывает.

* * *

«Познает скорбь
Тот, кто читает их!» —
Так он сказал
И в пламя бросил книги.
Мудрец, ты сделал хорошо!

* * *

Лужа воды.
Темнеет в ней
Вечернее небо,
Пурпурные ленты плывут...
Осенний дождь отшумел.

* * *

Начало осени
Как свежая вода:
Омывшись,
Все мысли
Обновятся.

* * *

Грустный
На холм взошел я,
Вдруг вижу:
Стаи птичек клюют
Красные ягоды терна.

* * *

Перекресток осенний.
Промчался
Сразу по трем дорогам
Ветер --
И скрылся вдали.

* * *

Осени голос.
Сначала
Еще незримая,
На ухо шепчет...
Грустный обычай.

* * *

Привычная для взгляда
Гора.
Но только осень придет,
С тайным трепетом смотришь:
Не там ли боги живут?

* * *

Сегодня приснилось мне,
Что в галерее сельского храма
Я ногой наступил
На гребень,
Украшенный мотыльком.

* * *

С тихим шелестом
Сыплется дождь,
Гляжу
На мокрые камни двора.
Слезы высохли на глазах.

* * *

Всего лишь попытка...
Но вновь я такой,
Как в юные дни.
Думаю: «Если б друга найти,
Все ему рассказать!»

* * *

Между плеч,
Задевающих друг друга,
В толпе я увидел ее.
Только на миг,
Но в дневнике осталась помета.

* * *

Не знаю, когда
Даже плакать я разучился.
Неужели нет человека,
Чтобы тронул душу мою
До слез?

* * *

О, хоть на время
Позабыть!
Так тонут
Весною камни мостовой
В траве.

* * *

Словно когда-то
В своей колыбели
Я видел ее
Во сне,
Так она мне мила.

* * *

Пора десятой луны,
И вспомнился мне,
Близкий, близкий, как на ладони,
Первый снег
На горе Иватэ́.

* * *

Солнце!
А дождь шелестит.
Переплелись
В саду
Ветки цветущих ха́ги.

* * *

Осеннее небо,
Пустое от края до края...
Ни тени не видно на нем.
Как ты одиноко, небо!
Хоть ворон бы пролетел!

* * *

После дождя
Луна.
Мокрые черепицы.
Крыш
Мерцают печальным блеском.

* * *

В день, когда голодал я,
Ко мне, виляя тонким хвостом,
Голодная подошла собака
И морду ко мне подняла.
Стало немного легче.

* * *

Сверчок звенит в траве.
Сижу один
На камне придорожном.
Смеясь и плача,
Сам с собою говорю.

* * *

Жаркие слезы
Лились,
Как в пору первой любви.
И это было высшей отрадой!
Незабываемый день.

* * *

О, если б на этом
Стальном
Небе осенней ночи
Огнем дышала
Гора.

* * *

Как будто встретился я вновь
С давным-давно
Забытым другом...
Так радостно мне слушать
Шум воды.

* * *

Словно отец,
Осень сурова;
Словно мать,
Осень добра —
Для бесприютного сына.

* * *

Гора Иватэ...
Как, должно быть, теперь
Цикады звенят
С трех сторон
У ее подножья.

* * *

Осень настала.
Тревога любви
Не отпускает ни на минуту...
Не спится всю ночь.
Крики диких гусей.

* * *

«Долгий месяц» уже на исходе.
До каких же пор,
Словно мальчик,
В плену у нее,
Я вырваться буду не в силах?

* * *

Незабудки.
Как много
Имя сказало!
Мне прислала их та,
Что молчит.

* * *

Ветер в соснах
Шумит, шумит
Над забытым людьми
Горным храмом,
Шепчет в уши каменному коню.

* * *

Легкий запах
Прели в лесу,
А порой потянет
И духом грибным...
Близится поздняя осень.

* * *

Словно дождь зашумел
На вершинах леса.
Пронеслись обезьяны.
До чего же они
На людей похожи!

* * *

Чаща леса.
Далекий стук...
Словно попал я в страну,
Где карлики в дуплах деревьев
Пестиком рис толкут.

* * *

Вначале были леса,
Всюду были леса.
Полубоги
В них хранили
Огонь.

* * *

Без конца и без края
Тянутся мертвые пески.
Бог,
Живущий в пустыне Гоби,
Это, верно, осени бог.

* * *

Лунный свет
И моя тоска
Переполнили небо и землю,
Обратились
В осеннюю ночь.

* * *

Грустные звуки ночные
Скупно падают в тишине.
Я одиноко брожу,
Словно их подбираю
Один за другим с земли.

* * *

Как, вернувшись в деревню свою,
Засыпает
Усталый странник,
Так спокойно, так тихо
Зима подошла.

ТЕ, КОТОРЫХ МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ

I

* * *

На северном берегу,
Где ветер, дыша прибоем,
Летит над грядюю дюн,
Цветешь ли ты, как бывало,
Шиповник, и в этом году?

* * *

Я посчитал
Свои немногие годы.
На пальцы взглянул —
И ехать вдаль
Расхотелось мне.

* * *

Бывало, закрыв глаза,
Свои стихи о раненом сердце
Мне декламировал он.
В письме от него
Даже шутка звучала печалью.

* * *

Сюда,
За мною следом,
Приехали жена и мать.
Живут в чужом краю,
Где ни души знакомой.

* * *

Укачало на пароходе.
До сих пор вижу перед собой,
Лишь вспомню море Цугэру,
Глаза моей младшей сестры.
Такая была в них мягкая нежность.

* * *

Молодая учительница...
Как уныло
Поблескивала у нее
Золотая оправка
Очков.

* * *

Друг мой
Кормил меня.
А я
Не смолчал перед ним, не стерпел.
Несчастный мой прав!

* * *

Новая
Иностранная книга.
Как жадно вдыхал я
Запах бумаги.
Хотя бы немного денег!

* * *

Хакодátэ...
Дом мой
На Ивовой улице,
Друга стихи о любви.
Цветы васильков.

* * *

Белые́ волны
Бежали друг за другом,
Бушуя,
На берег Омóри близ Хакодатэ.
Вторили морю думы мои.

* * *

Хакодатэ. . .
Каменная плита
На склоне горы «Лежачий бык».
Стихи на могильном камне —
Китайские — я почти позабыл.

* * *

В горах он скрылся,
Словно сказал:
«Я ничтожнейший из ничтожных».
Этот друг мой,
Душою равный богам.

* * *

В тумане ночном,
Блестя огоньком папиросы,
Там, где волны
Бились о берег,
Долго стояла женщина.

* * *

Невесело
На улицах Отáру.
Нет, никогда не пели эти люди!
Как грубы
Голоса у них.

* * *

Смолоду
На плечах семья.
А он, захмелев, поет,
Словно нет у него
Детей.

* * *

Я подавил вевок.
Мы простились
Через окно вагона.
Слишком часто
Теперь я прощаюсь...

* * *

На мокром окне
Блеснула
Россыпь цветных огоньков,
И городок в горах
Пронесся мимо.

* * *

Нет, я не гордился ими,
Даже втайне перед собой,
Когда поделки
Кропал,
Чтобы как-нибудь перебиться. . .

* * *

«Словно в сгусток
Мятежного духа
Превратилось все без остатка
Исхудавшее тело твое!» —
Так мне однажды сказали.

* * *

«Ударю!» — говорили мне.
Я отвечал:
«Ударь!»
О если б снова стать таким,
Как в прежние года.

* * *

Увы! Тот юноша
С прекрасными бровями
Чуть усмехнулся краем губ,
Когда его назвал я
Младшим братом.

* * *

Ладонью
Оттирает снег
С лица, запорошённого метелью,
Приятель мой,
Сторонник коммунизма.

* * *

«Как мне бездействие противно
Застывшего в своих порядках мира» —
Так говорил я, но теперь
Об этом времени
Припомнил я с печалью.

* * *

И вдруг — на бледной
До синевы щеке
Слеза блеснула.
О смерти говорил
Торговец молодой.

* * *

Я друга,
Как врага, возненавидел,
Но долго-долго
Руку жал ему,
Когда настал разлуки час.

* * *

Летел навстречу мокрый снег,
И по равнине Иси́кари
Наш поезд мчался сквозь метель.
Я в этом северном просторе
Роман Тургенева читал.

* * *

«Покурить бы, да табачок забыл»,
Не выходит из головы.
Едешь, едешь,
Кругом только горы,
Лишь заснеженные поля.

* * *

Застылый пар ,
На вагонном окне
Стал облаком
Лепестков
Цвёта солнечного восхода.

* * *

Бушует вихрь,
А за ним
Проносится в пляске
Сухой снежок,
Окутывая леса.

* * *

Погребена под белыми снегами
Река Сорáти,
Даже птиц не видно.
Лишь на глухом лесистом берегу
Какой-то человек стоит один.

* * *

Здесь с одиночеством
Враждуя и дружа,
Среди снегов,
В краю забытом люди
Живут весь долгий-долгий век.

* * *

Название станции объявлял
Молодой дежурный так,
Словно пел.
Ласковые глаза его
Я и сейчас забыть не могу!

* * *

Я на последней станции сошел.
Светло от снега...
В городок глухой
Иду я
Тихими шагами.

* * *

Белым-белым блеском
Сверкают льды.
Чайки кричат.
Над морем Кусиро
Зимняя ледяная луна.

* * *

Только голос,
Только глаза
Остались прежними у него.
Я встретился снова с другом своим
В самом дальнем углу страны.

* * *

Ворошит тополя,
Шуршит
В аллеях акаций
Осенний ветер...
Запись в моем дневнике.

* * *

С хрустом и шорохом
Плыли льдины в волнах.
Лунной ночью
Я шел по морскому берегу –
К ней и вновь от нее.

* * *

Прижавшись к моему плечу,
Среди снегов
Она стояла ночью...
Какою теплою
Была ее рука.

* * *

Скрипели
Под ногою доски пола.
Так было холодно
В прихожей.
И вдруг — прощальный поцелуй.

* * *

Как видение божества,
Вдали появилась
Гора Акán.
На вершине
Снежный рассвет.

* * *

Северные скитанья мои...
Словно дрожащим голосом
Долго-долго
Я пел:
«Волны моют песок».

ТЕ, КОТОРЫХ МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ

II

* * *

Во сне твой голос
В ушах звучал.
Как давно
Я слышал его!
Сам не помню когда...

* * *

Как путник,
Озябший на ветру,
У встречного спрашивает дорогу,
Так, только так
С тобой говорил я.

* * *

Бывают такие мысли:
Как будто на чистый
Прохладный мрамор
Льется
Весенний свет.

* * *

Словно их глубина
Пьет только светлое в мире. . .
До сих пор
Вижу перед собой
Черные зрачки ее глаз.

* * *

О самом, единственно-важном,
Тогда
Не сказал я тебе слова́,
Но они в душе моей
Живы.

* * *

Как трещина
На белом абажуре,
Неизгладима
Память
О разлуке.

* * *

С безучастным видом
Я говорил.
С безучастным видом
Слушала ты.
Вот, пожалуй, и все.

* * *

Да, говорят недаром,
Что так прекрасна прядка волос,
Случайно упавшая на лицо.
Я засмотрелся,
Пока ты писала.

* * *

Как на чужбине
Сын гор
Вспоминает дальние горы свои,
В час печали
Я думаю о тебе.

* * *

Лишь покажется мне —
Забыл,
Как любая мелочь
Напомнит.
Нет, не могу забыть!

* * *

Я слышал,
Что ты больна.
Я слышал, что встала с постели.
За четыреста ри от тебя
Словно во сне ходил я.

* * *

Если на улице вдруг
Облик мелькнет похожий,
Так и запляшет
Сердце в груди.
Пожалей меня!

* * *

В моей суматошной жизни
Бывает,
Я вдруг забудусь и думаю...
Знаешь ли ты,
О ком?

* * *

Года за годами бегут.
Год от года
Вдали от тебя,
Все сильнее
Я люблю тебя!

* * *

Домик твой в саду
Недалёко
От столицы Иси́кари. . .
Облетел ли
Яблоневый цвет?

* * *

Три длинных письма от тебя
Не более —
За три года. . .
А сам я тебе писал,
Быть может, раза четыре.

СНИМАЯ ПЕРЧАТКУ

* * *

Снимал я перчатку.
И вдруг —
Рука замерла.
Скользнуло по сердцу
Воспоминанье.

* * *

В холодном-холодном
Воздухе ночи
Легкий запах лекарства...
Врач когда-то жил
В этом доме.

* * *

Быть может, оттого я так печален,
Что ярких красок
Нет вокруг меня?
Послал купить я
Красные цветы.

* * *

Наконец-то
Я новую книгу купил.
Читал, читал
Далеко за полночь...
Эту радость трудно забыть!

* * *

Оконное стекло
Задымлено
Дождем и пылью...
Я тоже стал таким.
Какая грусть!

* * *

Шесть лет
Свою старую шапку
Каждый день надевал я,
Каждый день...
Но и ее потерял я.

* * *

Тянутся, тянутся без конца
Бурого цвета кирпичные стены,
Но дымно-лиловыми
Стали они
В этот долгий весенний день!

* * *

На грязные стены из кирпича
Падает мягко
И тает,
Падает, весь растает и вновь
Летит весенний снежок.

* * *

Вот молодая женщина,
Полуслепая, стоит
У растворенного окна.
Тихо-тихо ей брызжет в лицо
Мелкий дождик весенний.

* * *

Иду
По весенней улице,
На дощечке у входа
Красивая надпись.
Женское имя...

* * *

Аромат молодых деревьев
Переполнил
Всю Новую улицу.
Ни звука.
Весенняя тишина.

* * *

На душе у меня так печально,
Словно где-то сейчас
Молодая девушка
Умирает.
Сыплется ледяная крупа.

* * *

Зимняя улица,
Мертвая улица...
Неуловимо
Где-то таится
Запах карболки.

* * *

Груды белых тарелок
Вытирает
И ставит на полку
В темном углу трактира
Женщина с грустным лицом.

* * *

Молодого салата
Листья на блюде.
Острый — до самого сердца —
Запах уксуса.
Вечер.

* * *

Вечером
В больничном окне
Чье-то белое, белое
Лицо.
Отчего-то о нем я вспомнил.

* * *

Один поцелуй,
Долгий,
И мы расстались.
На улице в полночь
Отсвет далекого зарева.

* * *

Из маленького
Синего кувшина
Льет молоко
Дрожащая рука...
Любимая рука.

* * *

Бросил на полуслове
Свою бесполезную писанину...
Мне люди стали нужны,
И я на улицу вышел,
К людям.

* * *

Курю
Отсыревший табак.
Странно!
Как будто чуть-чуть
Мысли мои отсырели.

* * *

Я вдруг остро,
Всем своим существом
Понял: лето пришло.
Вдыхаю на дворике после дождя
Крепкий запах влажной земли.

* * *

Перед праздничцо убранной
Витриной
Стекольной лавки
Стою и гляжу...
Летней ночи луна.

* * *

«Она придет», — мне сказали.
Я рано встал
И встревожился
Оттого, что не слишком свежи
Рукава моей белой рубашки.

* * *

Где-то вбивают кол.
Где-то катится
Тяжелая бочка. . .
Как все звуки слышны!
Падает, падает снег.

* * *

Ни души в газетном бюро.
Вдруг в середине ночи
Пронзительно
Зазвенел телефон —
И замолк.

* * *

У пологого ската холма,
Где пшеница
Так зеленеет,
Я посреди тропы
Красный нашел гребешок.

* * *

Там, на горе
Позади селенья,
В роще густых криптомерий,
Солнце осеннего дня
Пестрые тени бросает.

* * *

Морская гавань.
С криком «торорó»
Ястреб чертит круги.
Облаком гонятся за ним
Волны прибоя.

* * *

Пора осеннего тепла.
Мелькнула
Птицы тень
В стекле туманном —
И мысли разбрелись мои.

* * *

Друг за другом плывут,
Нырря, взлетая,
Выступы крыш,
И зимнее солнце
Пляшет на них.

* * *

Отец мой
Легко загорался гневом.
Теперь давно не сердится он.
Я думаю:
«Хоть бы он рассердился...»

* * *

Дуновеньем утреннего ветерка
Занесен в окно трамвая
Ивовый листок.
На лету поймал его,
Гляжу...

* * *

Отчего-то мне вдруг
Захотелось море увидеть.
Я к морю пришел —
В то утро, когда не мог я
Боль души победить.

* * *

Сколько б ни встретилось мне
В городе женщин сегодня,
Но каждая, каждая,
Казалось, любовь схоронив,
Понуро идет домой.

* * *

Я ехал в поезде далёко...
И вдруг на станции
Среди полей
Родной и милый
Запах летних трав!

* * *

Рано утром
Я еле поспел на поезд.
Дорога в начале осени.
Черствого хлеба
Ломоть.

* * *

Я думал в поезде
О будущем своем.
Оно мелькнуло предо мной —
Печальное —
В ночном окне вагона.

* * *

Лесная глушь.
Я поглядел на стрелки:
Стояли
Станционные часы.
Ночной бессонный дождь.

* * *

**Мы простились.
Я в поезде ночном
У полутемного окошка
Бесконечно вертел в руках
Зеленое яблоко...**

* * *

**Продаю, ,
Все продаю!
Один у меня остался
Потрепанный немецкий словарь
На исходе этого лета.**

* * *

**Беспричинно
К другу я охладел.
Неприметно
Снова сдружился с ним.
У порога поздняя осень.**

* * *

**Красной обложки
Коснулся я вдруг,
Когда на дне корзины искал
Книги,
Запретные в нашей стране.**

* * *

**По дороге осенним утром
Мне встретился
Знакомый писатель.
Он сказал:
«Запретили книгу мою!»**

* * *

**Осенний несется ветер
Над цепью
Маленьких островков.
В самом углу
Океана.**

* * *

Затуманенные влагой глаза
Да черная родинка на щеке...
Вот все, что стоит пред глазами,
Лишь вспомню
Жену приятеля моего.

* * *

Когда ни взгляну на нее,
Все катится
Перед нею клубок,
Все вяжет,
Вяжет она носки...

* * *

Жалобно-тонко
В траве
Цикады звенят...
Читаю на летнем лугу
Письмо.

* * *

Поздней ночью
Открыл я дверь.
Что-то белое
Во дворе метнулось.
Собака, быть может?

* * *

«Несчастливая моя любовь!» -
Шепчу я сам себе.
Уже за полночь.
В жаровню гаснущую
Углей подложил...

* * *

Глубокой ночью
Стекла окна
Окрасило бледным отсветом
Бесшумное зарево
Пожара.

* * *

Как боязливый разведчик,
Я, полный страха, брожу
Один
Глубокою ночью
По улицам городским.

* * *

Ночью мне почудилось вдруг,
Будто вся кожа моя —
Настороженное ухо...
В молчанье спящего города —
Тяжелый топот сапог.

* * *

Поздно ночью
На станцию пришел человек.
Посидел на скамье,
Вскочил и вышел...
Он был без шапки.

* * *

Вдруг сыростью
На меня пахнуло.
Спустился ночной туман.
Не замечая времени,
По городу я блуждал.

* * *

Словно из дикой пустыни,
Я домой воротился...
Долго шел я
По черной ночи,
По черной ночи Токио.

* * *

Под самыми окнами банка,
На покрытой инеем
Мостовой,
Пятна
Синих чернил.

* * *

«Тёнтён», —
Веселятся овсянки
В неглубокой чаще бамбука.
Я иду по дороге
Через заснеженный луг.

* * *

Был октябрь.
По сырому длинному
Коридору
Родильного дома
Шагал я взад и вперед.

* * *

Впервые
Жадно глотнул
Ребенок мой
Воздух осеннего утра,
Студеного утра.

* * *

Было так у меня на душе,
Словно коснулся рукой
Нежной кожи младенца.
Тихо шел я один
По темным дорогам парка.

* * *

Я чиркнул спичкой...
Круг света —
Шириною в ладонь
Перерезал
Белый москит.

* * *

Я закрыл глаза
И начал свистеть
Тихо-тихо,
Прислонясь головой к окну.
Бессонная ночь.

* * *

Между деревьями парка
Маленькие
Резвились птицы.
Глядя на них,
Отдыхал я...

* * *

Я так и вадрогнул!
Это он, тот памятный
Поцелуй.
Тихо щеки коснулся
Платана лист на лету.

* * *

Не позабыть мне
Его лица!
Под полицейской стражей
По улицам шел в тюрьму человек
И только слегка улыбался.

* * *

Ребенка
На спину привязал
Мой овдовевший друг
И бродит
По развалинам замка.

* * *

В два-три голоса
Мне говорили:
«Перед смертью
Он тихо всхлипнул... Чуть-чуть».
Слезы сжали горло.

* * *

Бывало, едва с работы
Поздней ночью приду домой,
Первым делом беру я на руки
Сына...
И нет его.

* * *

**В ту пору,
Когда, наливаясь, крепнут
Корни белой редьки в деревне,
Родился —
И умер мой сын.**

Из книги

«ГРУСТНАЯ ИГРУШКА»

* * *

Стоит мне только вздохнуть,
В груди моей
Раздается шум,
Осеннего вихря
Грустней.

* * *

Во дворе заигралась.
Дочка домой не спешит.
А я достал
Паровозик,
Катаю взад и вперед. . .

* * *

Закрою глаза,
Но перед ними
Ничто не встает.
Мне грустно.
Я вновь открываю глаза.

* * *

«Как хочется книг!
Купить бы новые книги!» —
Я говорил жене.
То была не просьба,
А только мечта...

* * *

Я вышел из дому
И, верно, с полчаса
Шел с видом
Делового человека,
Как будто я куда-нибудь спешу...

* * *

Как пересохло горло!
Может, все-таки где-нибудь
Продавец фруктов еще не спит?
Пошел его искать
Во мраке осенней ночи.

* * *

Светлое
Зимнее утро.
Я выпил горячей воды.
Мягким паром
В лицодохнуло. . .

* * *

Я книгу взял,
Рассеянным взглядом
Глубоко в картинку ушел,
Выпуская кольца
Табачного дыма.

* * *

На полпути пересадка,
А последний трамвай
Ушел.
Я готов был заплакать
Под дождем.

* * *

Внезапно подумал я:
«А что, если мне придется
Идти, идти,
Бесконечно идти?»
Пустынная улица ночью.

* * *

Ночью я вышел из комнаты.
На перилах балкона
Заиндевелых
Охладил я
Кончики пальцев.

* * *

«Пусть будет
То, что будет!» —
Таким
Я стал теперь,
И это страшно мне...

* * *

Как поезд
Идет через поле пустое,
Так горе
Сквозь сердце
Находит путь.

* * *

Жалкая, на серой бумаге
Газета родного края...
Разворачивая утром листы,
Я привычно нашел
Опечатки.

* * *

Так давно не случалось
На поезде ехать.
Вот еду — и кажется мне:
Возвращаюсь в мой край
Любимый.

* * *

О да, я верю,
Что новое завтра придет!
Нет в этих моих словах
Ни капли неправды,
И все же...

* * *

Я вдруг по горам стосковался.
К подножью горы пришел...
Найти бы тот камень,
На котором
Сидел я в прошлом году!

* * *

Гляжу на свои
Грязью испачканные руки...
Как будто я вдруг увидел,
Что случилось
С сердцем моим!

* * *

Запачканные руки
Я отмыл.
Такая маленькая радость!
За целый день
Одна-единственная радость!

* * *

В новогодний день
Отчего-то на сердце
Легко и пусто.
Словно все, что было,
Я позабыл!

* * *

Нечаянно
Чашку разбил.
«А ведь это здорово —
Ломать!» —
Я подумал сегодня утром.

* * *

Звонкий стук. ,
Смех детей. Взлетает волан.
Неужели вернулся
Новый год
Прошедшего года?

* * *

Наверно,
В новом году
Сбудется что-то хорошее.
Небо ясно.
Ветер затих.

* * *

Засыпая,
Я сердце свое бранил.
Все оно ждет:
«Что-то хорошее завтра случится.
Завтра случится...»

* * *

Письмо с поздравлением
От друга.
Он каждый год присылает мне
Две-три танки —
На один образец.

* * *

Странная у меня голова!
Все думает
О недостижимом.
Неужели так будет
И в этом году?

* * *

Все люди
Идут в одну сторону.
А я стою и гляжу,
Поодаль от них,
На обочине.

* * *

Словно свеча,
Стала, треща, разгораться...
Ночь
Накануне
Нового года.

* * *

Или это уходит от меня
Вся накопленная за год
Усталость?
Так дремлется мне
В первый день новогодний.

* * *

Словно я хлопнул в ладоши
И жду,
Пока не послышится сонный отклик. .
Жду
С досадливым нетерпеньем.

* * *

Новый год миновал.
Наша жизнь
Поплелась, все по той же
Печальной
Дороге.

* * *

Плача,
Я с богом спорил.
О этот сон!
Мне он приснился утром
Дня четыре тому назад.

* * *

В воротник пальто
Подбородок я спрятал
И в ночной тишине
Напрягаю слух.
Голос девушки, до того похожий!

* * *

Сегодня отказались от вина
В деревне многие крестьяне,
Но завтра
От чего откажутся они,
Когда еще труднее станет?

* * *

Человеку моложе меня
Говорил я громкие фразы,
Разглагольствовал много часов,
Но душа от этого
Так устала!

* * *

Чтобы за ночь одну
Расцвела,
Подогрел я горшок,
Где слива растет.
Ни один цветок не раскрылся.

* * *

Я ждал его,
Так его ждал!
А он не пришел.
Стол переставил я —
Вот сюда.

* * *

Номер старой газеты.
Смотри-ка,
Хвалят
Мои стихи!
Пусть всего два-три слова...

* * *

В сумятице переезда
Старый снимок
Мне под ноги упал...
Выцветший снимок.
Ее лицо.

* * *

Не замечал я ,
В то время,
Сколько детских ошибок
Было в них.
Связка старых писем.

* * *

Где они?
Куда их спрятал я?
Письма,
Что жена писала мне
Восемь лет тому назад?

* * *

Только проснулся
И вдруг — щемящее чувство.
В газете заметка: «Старик
Из дома ушел...»
Как мой отец! Брызнули слезы...

* * *

Уже, наверно, лет пять
Я не видел
Широкого неба.
Разве можно
Без этого жить?

* * *

Всерьез уверена
Дочка моя,
Что люди только затем и пишут,
Чтоб рукопись
Отправить в печать.

* * *

В то время
Я часто лгал.
С спокойной совестью лгал.
... Вспомню,
Пот прошибает.

* * *

«У нас родился ребенок», —
Открытку я получил.
На минуту
Лицо у меня
Просветлело.

* * *

Я дверь толкнул.
Шагнул
Через порог
Палаты... Показалось мне,
Что коридору нет конца.

* * *

Как будто я сбросил с плеч
Тяжелый-тяжелый груз.
Невольно
С чувством таким
Я лег на больничную койку.

* * *

«Так, значит,
Вам не хочется жить?» —
Строго спросил меня доктор.
И сердце мое
Промолчало в ответ.

* * *

Я о себе
Так много возомнил!
Я верил,
Что всего достигну...
Какой я был ребенок!

* * *

«Теперь я уверилась
В сердце твоём!» —
Сказала мне мать.
Она в сновиденье пришла ко мне
И, плача, снова ушла.

* * *

Жена моя с дочкой
Навестили меня.
Я так был рад!
Я снова нашёл
Свое настоящее сердце.

* * *

«Ну, спите ночью
Хорошенько!» —
Мне доктор говорит.
Как будто
Малому ребёнку.

* * *

Падает путано, сбивчиво
Весенний снег.
Я слежу за ним
Горячими
От лихорадки глазами.

* * *

«Когда-нибудь
Издам непременно!» —
Все думаю я о книге своей.
Говорю с женой,
Какого цвета будет обложка.

* * *

Пять долгих лет,
Как уехал я из деревни.
И вот — заболел. Во сне
Мне слышится снова
Голос кукушки.

* * *

Как весной
Кричала кукушка
На высокой вершине
Кипариса,
Возле нашего сельского храма!

* * *

Нежданно
Подходят ко мне,
Жмут руку мою
И так же нежданно
Уходят люди.

* * *

«Это судьба моя
Пришла.
Вот тяжестью на меня навалилась», –
Подумал я, пробудившись в полночь,
Одеяло так давило меня!

* * *

Пульс
Щупает мне сиделка.
Иной раз рука ее так тепла.
Другой раз
Холодом обдает.

* * *

Не знаю сам почему,
Целый день
Мне приходит на память
Имя русское
«Бородин».

* * *

Наверно, товарищам и жене
Грустно бывает слушать,
Как я без усталы,
Такой больной,
О революции говорю!

* * *

Не походи на отца!
Ни на отца своего отца!
Ты слышишь,
О чем я прошу тебя,
Дочка?

* * *

Всего пять лет
Дочке моей,
Но и она
Хорошо уже знает
Слова «революция» и «рабочий».

* * *

Что в голову ей пришло?
Вдруг бросила девочка
Игрушки
И тихо уселась
Возле меня.

* * *

Все смотрит на циновку.
Тяжелый,
Неподвижный взгляд. . .
Спросить ли мне, жена,
О чем ты думаешь теперь?

* * *

Русское имя
Соня
Я дал дочурке своей.
И радостно мне бывает
Порой окликнуть ее.

* * *

О бедный мой отец!
Я вижу, он газету отложил,
Не в силах более читать,
И на дворе
Играет с муравьем.

* * *

Я дочку побранил.
Она заснула
В слезах,
С полуоткрытым ртом...
Я тихо по щеке ее погладил.

* * *

Подушку с постели моей
Вынесли на веранду...
После долгой разлуки
Снова встретились мы,
О вечернее небо!

* * *

Беленькая собака
Пробежала мимо двора.
Я спросил жену:
«Как ты думаешь,
Может, купим собаку?»

Из книги
«СВИСТ И СВИСТОК»

ПОСЛЕ БЕСКОНЕЧНЫХ СПОРОВ

**У нас бывают чтения, жаркие споры,
И наши глаза горят не меньше,
Чем у юношей России полвека назад!
Мы бесконечно спорим: «Что делать?»
Но никто из нас не ударит вдруг
Кулаком о стол и не крикнет: «В народ!»**

**Все мы знаем, чего мы хотим,
Все мы знаем, чего хочет народ,
Все мы ясно знаем, что делать, —
О, много больше, чем знали они!
Но никто из нас не ударит вдруг
Кулаком о стол и не крикнет: «В народ!»**

**Здесь собрались только очень юные,
Строить новое начинает всегда молодежь.**

Старое скоро умрет, победа за нами!
Спор кипит, сверкают глаза.
Но никто из нас не ударит вдруг
Кулаком о стол и не крикнет: «В народ!»

Трижды уже меняли мы свечи,
В недопитом чае плавают мошки,
Но девушки говорят с прежним жаром,
Лишь в глазах после долгого спора
усталость.

Но никто из нас не ударит вдруг
Кулаком о стол и не крикнет: «В народ!»

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Я уважал его всегда,
И я люблю его сейчас еще сильнее,
Хотя уже два месяца прошло
С тех пор, как похоронен он
В густой тени каштана
На кладбище далекого предместья.

Да, в самом деле
Уже два долгих месяца прошло
С тех пор, как на собраниях кружка
Его не видно на привычном месте.
Он был не мастер на слова,
Не принимал участия в наших спорах,
Но как его теперь нам не хватает!

Однажды он сказал смущенно:
«Товарищи, меня не осуждайте
За то, что я на диспутах молчу!»

Я, право, спорить не умею,
Но я готов всегда
Встать на борьбу с врагом!»

Один товарищ про него сказал:
«В глазах его укор
Трусливым краснобаям!»
Я часто разделял с ним это чувство,
Но справедливого укора
Никто в его глазах уж больше не прочтет!

Он был рабочий,
Простой рабочий заводской.
Работал с увлечением, с огоньком,
А выпадет свободная минутка,
Любил потолковать с друзьями по душам
И был охотник книжку почитать.
Он не курил, не пил вина.

В нем, непреклонном, и прямом,
И мыслящем глубоко человеке,
Казалось, затаился дух
Того Бакунина в горах Юра́ далеких.

В испепеляющем жару болезни
Он ясность мысли сохранил,
Не бредил он до самого конца.

«Сегодня Первомай,
Наш день, наш праздник!» —
Вот те последние слова,
Которые я слышал от него.
Я утром навестил больного,
А к вечеру уснул он вечным сном.

Его широкий лоб,
Его могучие, как молот, руки,
Его прямой, бесстрашный взгляд,
Ни жизни не боявшийся, ни смерти,
Понине предо мной, едва глаза закрою.

Он, как безбожник,
Сторонник материализма,
Был похоронен просто под каштаном,
И мы, товарищи его,
Решили на могиле начертать
Такую надпись:
«Я готов всегда
Встать на борьбу с врагом!»

В СТАРОМ ЧЕМОДАНЕ

Друг мой открыл старый чемодан
И вывалил книги кучею на пол.
При неясном мерцанье свечи
Он брал их в руки
Одну за другой —
Книги, запретные в нашей стране.

Наконец он нашел среди них
Какой-то фотографический снимок,
Протянул мне его:
«Вот она!» —
И, отойдя к окну,
Стал насвистывать тихо.
На снимке была молодая женщина.
Я даже красивой ее не назвал бы.

ДОМ

Едва открыв глаза сегодня утром,
Опять — который раз! —
Я вдруг подумал:
«Как хочется иметь мне дом,
Который я бы мог назвать своим!»
Я, умываясь, все о нем мечтал,
Мечтал и после трудового дня,
Прихлебывая свой вечерний чай,
Покуривая папиросу. . .
Лиловый дым плыл в воздухе тихонько,
И предо мной
Плыла моя мечта,
Напрасная и грустная мечта!

Я с толком выбрал место для него:
От станции не слишком далеко,
С деревней тихой по соседству.
Уютный домик в европейском стиле.
Без лишних украшений, невысокий,
Но лестница широкая,
Балкон
И светлый кабинет!
Да — не забыть бы! —
Такие стулья, чтоб сидеть удобно.

О, много, много раз за эти годы
Во всех подробностях,
Меня каждый раз
Расположенье комнат понемногу,
Я все отчетливее рисовал
В своем воображенье этот дом!
Уставившись рассеянно глазами

На ярко-белый абажур над лампой,
Я живо представлять себе люблю,
Как будет в этом доме жить чудесно!
И в тесной комнатушке, где жена
Ребенка плачущего кормит грудью,
Я в угол отворачиваюсь вдруг,
Чтоб спрятать беспричинную улыбку.

Пусть перед домом будет двор широкий,
И пусть трава растет на нем привольно.
С приходом лета
Звонкий летний дождь
Польется на ее густые листья,
А там, в углу двора,
Сосну я посажу,
Под ней поставлю белую скамейку.
Дождь отшумит, и буду я в тени
Покуривать египетский табак
С таким густым, таким приятным дымом!

Я буду разрезать неторопливо
Страницы новых книг,
Которые мне будут присылать
От «Марудзэна» чуть не ежедневно.
Так я смогу блаженно отдыхать,
Пока меня не позовут к обеду.
Там на свободе я смогу созвать
К себе всех деревенских ребятишек...
О, сколько я историй расскажу!
Какие будут круглые глаза!
Заслушавшись, дышать забудут дети...

Напрасная и грустная мечта!
Я разлучился с юностью моей,

Устал я каждый день с нуждой бороться,
Но если ты, и сам не знаю как,
Меня, измученного, посетила
Здесь в сутолоке городской,
Напрасная, и грустная моя,
И бесконечно милая мечта,
Мне было б жалко потерять тебя!

О да, я знаю, что тебе не сбыться,
Я столько раз
Тобою был обманут,
Но, ничего не говоря жене,
Я все гляжу на белый абажур.
Таким же взглядом, как, бывало,
В дни юности на девушку глядел,
Когда в нее я тайно был влюблен,
И думаю в молчанье одиноко
Все о тебе, любимая мечта!

АЭРОПЛАН

Взгляни, вон там,
Высоко в синем небе,
Сегодня вновь летит аэроплан.

А мальчик в услуженье,
Насилу выпросив свободный день,
Без роздыха, усердно
Сам учится английскому по книжке
В лачужке, где живет вдвоем
С чахоточною матерью. . .

**Давно
Слипаются и тяжелеют веки...
Натружены усталые глаза.**

**Взгляни, вон там,
Высоко в синем небе,
Сегодня вновь летит аэроплан.**

Стихи из книги
«СТРЕМЛЕНИЯ»
*и стихи,
не вошедшие
в сборники*

ПАМЯТИ АДМИРАЛА МАКАРОВА

Утихни, ураган! Прибой, не грохочи,
Кидаясь в бешенстве на берег дикий!
Вы, демоны, ревущие в ночи,
Хотя на миг прервите ваши клики!
Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
Не наносите яростных ударов,
Замрите со склоненной головой
При звуках имени его: Макаров!
Его я славлю в час вражды слепой
Сквозь грозный рев потопа и пожаров.
В морской пучине, там, где вал кипит,
Защитник Порт-Артура ныне спит.

О солнце севера! Как величаво
Сошло оно в крутой водоворот.

Пусть, как в пустыне, все кругом замрет,
Ему в молчанье воздавая славу!
Вы слышите ль, как громкий клич без слов
Вселенную наполнил до краев?
Но что в нем прозвучало? Жажда ль мести
В час гибели иль безрассудный гнев,
Готовый мир взорвать с собою вместе,
Когда валы смыкались, закипев,
Над кораблем, защитником отчизны?
О нет, великий дух и песня жизни!

Враг доблестный! Ты встретил свой конец,
Бесстрашно на посту командном стоя.
С Макаровым сравнив, почтят героя
Спустя века. Бессмертен твой венец!
И я, поэт, в Японии рожденный,
В стране твоих врагов, на дальнем берегу,
Я, горестною вестью потрясенный,
Сдержать порыва скорби не могу.
Вы, духи распри, до земли склонитесь!
Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи!
При имени Макарова молчи,
О битва! Сопричислен русский витязь
Великим полководцам всех времен,
Но смертью беспощадной он сражен.

Когда вдруг запылал от вспышек молний
Над Азией Восточной небосклон
И закипели в Желтом море волны,
Когда у Порт-Артура корабли
В кольце врагов неравный бой вели,
Ты, болью за свою отчизну полный,
Пришел на помощь. О, как был могуч
Последний солнца блеск меж черных туч!

Ты плыл вперед с решимостью железной
В бой за Россию, доблестный моряк!
Высоко реял над ревущей бездной
На мачте гордый адмиральский стяг.
Но миг один — все скрылось под волнами:
Победами прославленное знамя
И мощь, которой в мире равной нет...
Где их могила, кто нам даст ответ?

В тот страшный день с утра сгустились тени
И солнце спрятало свои лучи,
Заклокотало море в белой пене...
(Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
Все, как один, падите на колени,
Пусть сольет сердца один порыв.)
Скрывалась в море неприметно мина,
И потопил внезапно страшный взрыв
Корабль, что нес морского властелина.
Спокойно руки на груди скрестив,
Вперив свой взор в бездонную пучину,
Где в злобном торжестве кружился вал,
Исчез навеки славный адмирал.

Ах, океан судьбы и грозной бурей
Его волнующая злая смерть!
Лишь день вы бушевали в Порт-Артуре,
Но вечно будут помнить черный смерч.
Когда ж вас спросят с гневной укоризной,
Как смели вы такую жизнь отнять,
То перед светлым царством вечной жизни
Какой ответ вы будете держать?
Мгновенно все надежды и величье
Под вашим натиском погребены!

Ужель у вас нет никому отличья
И ничему живущему цены?

Всему конец! Бессчетными слезами
Истории омыты письма,
Но снова льется жгучая, как пламя,
На это имя слез моих волна.
Неизгладимая зияет рана
В груди его, где жил могучий дух...
Скорбит весь мир, что свет его потух
В неведомых глубинах океана.

Но вечно ль смерть владыка — вот вопрос!
Что, если вместо бесконечной тризны
Из нашей скорби, наших жарких слез
Взойдет заря неистребимой жизни?
О, если б это, наконец, сбылось,
Мой друг Макаров! Ты сошел в могилу,
Но в имени твоём, в моих стихах,
В бессмертной правде отыщу я силу,
Чтоб быть, как ты, в передовых бойцах.

Луна неясно светит, и спокоен
Полночный час, во мрак вперила я взор.
Мне кажется, вон там, бесстрашный воин,
Ты отражаешь бешеный напор
Валов, кипящих яростью кровавой.
Твой гордый дух — бессмертия залог.
Да, умер ты, но умереть не мог.
Да, ты погиб, но победил со славой!
Утихни, ураган! Прибой, молчи!

Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
Не наносите яростных ударов!

Замрите со склоненной головой!
Пусть в тишине мой голос огневой
Вас к скорби призовет: погиб Макаров!
В морской пучине, там, где вал кипит,
Защитник Порт-Артура ныне спит.

КУКУШКА

Уже рассвета теплятся лучи.
Ночь тоже на исходе, как весна.
Дрожит и меркнет огонек свечи
У моего раскрытого окна.

Но в этом мире тишины и снов
Чей одинокий голос вдруг проник
В мое окно? Зари победный зов?
Прощанье ночи? Нет, кукушки крик!

О голос на рассвете! Что дано
Тебе сказать? Зовешь ли ты кого?
Откуда ты? Ах, знаю лишь одно!
(Пусть ты лишь отзвук сердца моего;

Пусть это только мой тяжелый стон,
К теснине скорби улетевший вдаль,
Ко мне вернулся, эхом повторен,
Чтоб снова пробудить мою печаль.)

Но то, что смутно волновало ум,
Что тайно пряталось от света дня
В глубоком омуте сердечных дум,
Вдруг осмелев, вонзило нож в меня.

Случалось этот голос мне порой
Среди полей зеленых услышать.
Он в детстве разлучал меня с игрой...
И вот он на заре звучит опять!

Как мысль поэта на земле вечна
И не погибнет до конца времен,
Так голос этот — слушай, тишина! —
Бессмертной жизнью тоже наделен.

Бессмертья миг! Увы, я знаю сам,
Мгновенна ваша вечность, о мой стих,
О жизнь моя! Замолкнуть скоро вам,
Как зов кукушки в отдаленье стих.

Замолкнете, но не умрете, нет!
Пока не рухнет наземь небосвод,
В своих стихах ты будешь жить, поэт,
Как этот отзвук в вечности живет.

Но вы, что только славите весну,
И соловьев, и легких мотыльков,
Храня в стихах святую старину,
Гонители (обычай ваш таков!).

Вы солнца, жизни, юности враги,
Вы, что готовы обокрасть весь свет,
Везде похитить (здесь вы мастаки!)
Священного искусства лучший цвет,

Вы, чей закон — подслащивай и лъсти,
Которым все одежды по плечу,
Нет, знайте, с вами мне не по пути!
Я петь застольных песен не хочу!

О сердце гордое, не для того
Пылает жизнь таким огнем в тебе!
Ты — царство света, ты хранишь его
В труде, лишениях, муках и борьбе!

И голос жизни сам собой поет,
И песня жизни просится в ответ
О том, что занялся уже восход
И что наш мир — бескрайний, ясный свет!

Ах, в бесконечной вечности лишь миг,
Короткий миг в ночи перед зарей
Звучал кукушки перелетный крик
И скрылся вдаль падучею звездой.

Что из того? Из глубины лесов
Ты мне, печальному, далекий друг,
Послала свой звенящий смелый зов,
И я, душой воспрянув, понял вдруг:

И жизнь и песнь бессмертны на земле!
Вовек за ними смерти не поспеть.
Как ты, я буду в предрассветной мгле
Навстречу бесконечной жизни петь.

СЛОМАННАЯ СКАМЬЯ

Целый день на нее
Сыплются, сыплются листья.
Целую ночь на нее
Падают капли росы...
В углу городского парка —
Сломанная скамья.

Я набрел на нее впервые,
Помню, в тот самый день,
Когда увидел бродягу
В уличной толчее.
Он со спины похож был,
Так похож на отца моего,
Который ушел из дома,
Никто не знает, куда!

ЛИСТОК ИВЫ

Влетел в трамвайное окно
И чуть трепещет на моих коленях
Опавший ивовый листок.

И ты, моя соседка,
Не правда ли, похожа на него.
И ты летишь все ниже, ниже
По неизбежному пути.

С дорожной сумкой на коленях,
Измученная, грустная, но все же
Еще прелестная, устало дремлешь...
Скажи, куда отсюда ты пойдешь?

ПОСЛЕ ДОЛГИХ СПОРОВ

Темную-темную равнину
Моего усталого мозга
Порой озаряет беглым огнем,

Точно молнии вспышка,
Мысль о революции. . .
Только на миг.

Увы, не слышно потом
Животворных раскатов грома!
О да, я знаю,
Что в блеске огненных молний
Выступает навстречу из тьмы
Облик нового мира,
И, наконец, все вещи
Находят свои места. . .

Но мгновенье — и молния гаснет,
И не слышно в глухой тишине
Животворных раскатов грома.
Темную-темную равнину
Моего усталого мозга
Порой озаряет беглым огнем,
Точно молнии вспышка,
Мысль о революции. . .
Только на миг!

НОВАЯ СТОЛИЦА

Скоро придет мировая война!
Словно фениксы,
Воздушные корабли
Стаями полетят по небу,
И погибнут внизу все города!
Долго будет длиться война!
Половина людей повсюду
Обратится в груды костей!

Но потом,
Но после,
О, где же потом
Мы построим
Новую столицу свою?
На обломках истории?
На вымысле?
На любви?
Нет, о нет! На земле.
Только здесь,
На земле,
В этом воздухе без границ, без раздела,
Под голубым-голубым необъятным небом!

* * *

Я в детстве спросил свою мать:
«Когда хоронить тебя станут,
Смогу ль я хоть раз, хоть на час
Надеть хорошее платье?»
Родная, простишь ли меня?

* * *

Солнце зашло,
Облака изорваны в клочья,
И луны еще нет!
О вечернее небо,
Как похоже ты на меня!

* * *

Кто посмеет меня упрекнуть,
Если я поеду в Россию,
Чтобы вместе с восставшими биться
И умереть,
Сражаясь?

* * *

Товарищ мой, наверно,
Сегодня тоже, как всегда,
Старается усердно одолеть
Труд Карла Маркса «Капитал»,
Такой нелегкий для него!

* * *

Отчего-то вокруг меня,
Безо всякой заметной причины,
С тихим шелестом
Посыпались вдруг
Мелкие желтые лепестки,
Словно тайный знак подавая...

* * *

Я нарочно
Огонь погасил.
Проблесками перед собой
День революции
Вижу.

* * *

Запрещенная книга
В затрепанной
Красной обложке.
Читаю
Всю летнюю ночь напролет.

* * *

Семь раз
По имени я позову тебя,
И все колокола
По всей стране
Вдруг разом зазвонят...

* * *

Женщина, друг мой!
Сшей
Своими руками
Красное знамя восстанья...
И мне отдай.

* * *

Когда я взвел курок,
Когда я целюсь,
О, тогда
Нет для меня богов!
Нет для меня богов!

БЕЗ ЗАГЛАВИЯ

О алый, алый цвет!
Как радостен наш мир,
Когда горит в нем алый цвет!
Цветок, и женщина, и знамя,
И пролитая кровь!
Закат в пустыне необъятной,
Волна морская после боя.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГОРСТЬ ПЕСКА (стр. 19). Сборник опубликован в конце 1910 года.

ПЕСНИ О ЛЮБВИ К СЕБЕ (стр. 21). В этом названии цикла стихов Исикава Такубоку, находившийся в бедственных жизненных условиях, утверждает свою значительность как человеческой личности и ценность пережитых им мгновений.

«С т а р а з...» (стр. 23). Иероглиф, которым обозначается понятие «великое», очень несложен по своим начертаниям.

«С д о с а д о й...» (стр. 24). В Японии вместо вилки употребляются две застольные палочки.

«Н о ч н о е в е с е л ь е...» (стр. 27). *Парк Асакуса* — увеселительный район в Токио.

«Б ы л о д в о е д р у з ь е у м е н я...» (стр. 37). Один (умерший) был школьным товарищем, о втором Такубоку написал: «В былые годы о талантах его шумела молва. Теперь он в тюрьме. Дует осенний ветер».

«Н о в о й б у м а г о й...» (стр. 40). *Сёдзи* — раздвижные оконные рамы и перегородки, оклеенные бумагой, в японском доме.

«Г у с т о й т р а в о й п о р о с л и...» (стр. 45). *Развалины замка Кодзуката* находятся в городе Мориока. Замок этот стоял на высоком холме, откосы которого укреплены огромными камнями.

«Книги Сохо...» (стр. 49). *Токутоми Сохо* (1863—1957) — демократический писатель и общественный деятель. В 1906 году посетил Льва Толстого в Ясной поляне.

«Западным ветром унесены...» (стр. 49). *Утимару* — улица в городе Мориока. На ней находилась гимназия, где учился поэт.

«По сосновой аллее...» (стр. 51). *Барадзима* — местность возле г. Мориока.

«Запела флейта...» (стр. 54). Флейта с семью отверстиями, завезенная в старину из Португалии. *Амэ* — род сладкой тянучки.

«Сам собой, не приметно...» (стр. 55). *Моти* — колобки из рисового теста.

«Вы перед глазами у меня...» (стр. 57). Река *Китаками* течет в родной деревне поэта Сибутами.

«Когда в вагонном окне...» (стр. 61). По обычаю одежду одергивают перед старшими в знак почтения. Такубоку выражает нахлынувшее на него чувство при помощи благоговейного жеста.

«Снова иду по земле...» (стр. 61). Поэта охватили противоречивые чувства: радость при виде родины и тяжелые воспоминания.

«В этом доме...» (стр. 62). *Хидэко*. — Хотта Хидэко была учительницей в деревенской школе. В стихотворении изображен тот весенний вечер, когда Такубоку прощался с ней перед отъездом на Хоккайдо.

«Познает скорбь...» (стр. 64). В древности один китайский император велел предать огню канонические конфуцианские книги. Конфуций — знаменитый философ (551—479 гг. до н. э.). Учение его об укладе государства и семьи построено на идее сыновней почитательности.

Такубоку страстно любил книги, но работа мысли, возбужденная чтением книг, может иногда быть мучительной. В такие минуты, надо думать, и возникло это стихотворение.

«Пора десятой луны...» (стр. 69). В старой Японии был принят лунный календарь. *Десятая луна* приходилась на конец октября — начало ноября.

Гора *Иватэ*, славящаяся своей красотой, хорошо видна из деревни Сибутами.

«Солнце!...» (стр. 69). *Хаги* (леспедца) — род кустарника. Длинные гибкие ветви его покрываются осенью бело-розовыми цветами.

«Долгий месяц» уже на исходе...» (стр. 73). Девятый месяц по лунному календарю.

«В начале были леса...» (стр. 75). *Полубоги* — лесные божества греческих мифов.

«У качало на пароходе...» (стр. 78). Пролив *Цугэру* находится между островами Хонсю и Хоккайдо.

«Хакодате... Каменная плита...» (стр. 80). В этой могиле был похоронен убитый во время гражданской войны в 70-х годах прошлого столетия вождь отряда, верного старому феодальному правительству. На камне высечена эпитафия, написанная китайскими стихами.

«В горах он скрылся...» (стр. 81). Учитель и литератор Осима Рудзин внезапно оставил свои дела и «ушел от мира».

«Ладонью...» (стр. 84). *Приятели* — журналист Окуни Родов. В дневнике Такубоку от 9 января 1908 года есть запись: «Беседовали о коммунизме, об освобождении человеческой личности».

«Летел навстречу мокрому снегу...» (стр. 85). Равнина *Исикари* находится в западной части о. Хоккайдо. По ней течет река Исикари с притоком Сорати. Такубоку очень любил романы Тургенева, особенно «Накануне». Ему был близок и дорог образ Инсарова.

«Я на последней станции сошел...» (стр. 88). Поэт описывает свой приезд в город Кусиро.

«Как видение божества...» (стр. 90). Гора *Акан* — вулкан на Хоккайдо.

«Северные скитанья мои...» (стр. 90). «*Волны моют песок*» — цитата из китайского стихотворения Танской эпохи (618—907). В нем выражена скорбь жены по уехавшему вдаль мужу.

ТЕ, КОТОРЫХ МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ. II (стр. 91). Этот цикл стихов посвящен молодой учительнице Татибана Тизэко, с которой поэт встречался в Хакодате. Она осталась для него далекой идеальной любовью.

«Я слышал...» (стр. 94). *Ри* — мера длины: 3,927 км.

«Домик твой в саду...» (стр. 96). *Столица рав-*

нины *Исикари* — г. Саппоро, где у отца девушки был дом с яблоневым садом.

СНИМАЯ ПЕРЧАТКУ... (стр. 97). В стихах этого цикла рассказывается о тяжелой жизни поэта в Токио в эпоху политических репрессий.

«Красной обложки...» (стр. 111). В последние годы своей жизни Исикава Такубоку читал политические книги: «Дух социализма» Котоку Сюсуй, «Записки революционера» П. А. Кропоткина. «Коммунистический манифест» в переводе Котоку Сюсуй, знакомился с «Капиталом» Карла Маркса. Эти книги приходилось прятать на случай обыска.

«Ночью мне почудилось вдруг...» (стр. 114). Сапоги в Японии носили полицейские и военные. *Тяжелый топот сапог* ночью заставлял думать о том, что полиция идет к кому-то с целью обыска или ареста. В 1909—1910 гг. правительство приняло ряд репрессивных мер против передовых деятелей революционного движения. Такубоку рисует мрачный облик Токио в ту эпоху.

ГРУСТНАЯ ИГРУШКА (стр. 121). Больной поэт называл свои стихи «грустной игрушкой», потому что был лишен возможности участвовать в активной политической борьбе. Сборник вышел в свет в 1912 г., посмертно.

«Звонкий стук...» (стр. 130). По народному обычаю девочки на Новый год подбрасывают мячик с перьями деревянными ракетками, украшенными пестрыми картинками. *Новый год* — 1911 г.

«Не знаю сам, почему...» (стр. 143). «Боро-

дин» — кличка русского революционера-анархиста П. А. Кропоткина (1842—1912).

СВИСТ И СВИСТОК (стр. 147). Основная тема этой книги стихов — зарождение социалистического движения в Японии. Полностью «Свист и свисток» был издан в феврале 1913 г., посмертно.

«После бесконечных споров» (стр. 149). В конце первого десятилетия XX века среди передовых представителей молодой интеллигенции Японии возникали кружки, где велись горячие споры вокруг наиболее острых политических проблем. В них зачастую участвовали любители красивой фразы. Такубоку хотел дела, а не слов, сближения с народом и выдвигал лозунг русских народников-шестидесятников: «В народ!»

«Надгробная надпись» (стр. 150). Прототипом рабочего-революционера был, как полагают, Мияносита Тайкити, фабричный рабочий, социалист, казненный по делу Котоку Сюсуй в январе 1911 года.

Бакунин М. А. (1814—1876) — русский революционер, идеолог народничества и анархизма. Горы Юра находятся в Швейцарии и Франции.

В старом чемодане... (стр. 152). Женщина на снимке — Софья Перовская, русская революционерка-народница. Участвовала в организации покушения на Александра II. Казнена 3 апреля 1881 г.

Дом (стр. 153). «Марудзэн» — название книжного магазина в Токио.

Памяти адмирала Макарова (стр. 159). Ма-

каров С. О. (1848—1904) — русский флотоводец, океанограф, изобретатель, полярный исследователь, вице-адмирал. В 1904 году, во время русско-японской войны, командуя Тихоокеанским флотом, погиб на броненосце «Петропавловск», подорвавшись на японской мине вблизи Порт-Артура.

Новая столица (стр. 167). Стихотворение это написано под влиянием фантастического романа Г. Уэллса «Война в воздухе».

СОДЕРЖАНИЕ

В. М а р к о в а. Предисловие	5
---	---

ИЗ КНИГИ «ГОРСТЬ ПЕСКА» ПЕСНИ О ЛЮБВИ К СЕБЕ

«На песчаном белом берегу...»	21
«О, как печален ты...»	—
«Там, где упала слеза...»	22
«Могу ли забыть...»	—
«К песчаным холмам...»	—
«Перед огромным морем...»	23
«На песчаном холме...»	—
«Сто раз...»	—
«С досадой...»	24
«Под вечер без огня сидел я...»	—
«Я в шутку...»	—
«Без цели...»	25
«Словно где-то...»	—
«Я зеркало взял...»	—
«Слезы, слезы...»	26
«И лишь из-за этого...»	—
«Чтобы стало на сердце легко!..»	—

«Ночное веселье...»	27
«Когда, как редкий гость...»	—
«Я взошел на вершину горы...»	—
«А где-то спорят люди...»	28
«Хотел бы в гнев...»	—
«В трамвае...»	—
«Перед лавкой зеркал...»	29
«Я в дом пустой...»	—
«Не знаю отчего...»	—
«Зарыться...»	30
«Руки скрестив на груди...»	—
«Зевнуть бы...»	—
«Белые руки...»	31
«С легкой душой...»	—
«Льетесь дождь...»	—
«Я похвалой польщен?...»	32
«Прошла веселая пора...»	—
«Вчера держался я на людях...»	—
«Непригодный к делу...»	33
«То хорошо...»	—
«Как весело слушать...»	—
«Когда приходится служить...»	34
«Есть радостная...»	—
«Застыли палочки в руке...»	—
«Как, впитывая воду...»	35
«Просто так, ни за чем...»	—
«Из дома выйду...»	—
«Сегодня убежала наконец...»	36
«О друг мой...»	—
«Запах свежих чернил...»	—
«Пусть сгинут все...»	37
«Было двое друзей у меня...»	—
«Раскрыл всю душу...»	—
«Работай...»	38

«Словно будущее мое...»	38
«Большой хрустальный шар!..»	—
«Не знаю отчего...»	39
«Отряд марширующих солдат...»	—
«Тантара-тара...»	—
«Новой бумагой...»	40
«Вечером вдруг...»	—
«Слова...»	—
«Бледно-зеленое...»	41
«Я сердце новое себе искал...»	—
«В сердце у каждого человека...»	—
«Ребенка побранят...»	42
«На камни двора...»	—
«Прямая улица уходит вдаль...»	—

ДЫМ. I

«Сегодня с силою...»	43
«Чуть слышно я себя...»	—
«В синем небе...»	44
«Я ехал в поезде...»	—
«Мой друг...»	—
«Вода струей...»	45
«Из класса нашего в окно...»	—
«Густой травой поросли...»	—
«Мне всегда хотелось свистеть...»	46
«И ночью во сне...»	—
«Первая забастовка...»	—
«В гуще осенних трав...»	47
«Едва осыплются вишни...»	—
«Еще хоть единый раз...»	—
«Один учитель...»	48
«Здорово вместе со мною...»	—
«В тени каштана...»	—

«Книги Сохо...»	49
«Помню...»	—
«Западным ветром унесены...»	—
«Словно камень...»	50
«В глазах мальчишки...»	—
«В нашем классе...»	—
«Деревенский простак...»	51
«По сосновой аллее...»	—
«Когда болели глаза...»	—
«Сердце мое, ты опять...»	52
«Точно нить порвалась...»	—

ДЫМ. II

«Как сердцу мил...»	53
«Сердце мое...»	—
«Когда-то...»	54
«Как с маленькой сестренкой...»	—
«Запела флейта...»	—
«Груды камней...»	55
«Эти дни...»	—
«Сам собой, неприметно...»	—
«Что б ни случилось со мной...»	56
«Поля продают...»	—
«Как горько слышать мне...»	—
«Когда на чужбине...»	57
«Вы перед глазами у меня...»	—
«Жена...»	—
«Как SANTA жаль, беднягу!..»	58
«Гнедого жеребца...»	—
«Даже имя его...»	—
«Год от году...»	59
«Светляки!..»	—
«Как светлы и верны...»	—

«Вдруг припомнилось мне...»	60
«Был у нее тогда...»	—
«Ветку азалии белой...»	—
«Когда в вагонном окне...»	61
«Снова иду по земле...»	—
«Вот незнакомая мне...»	—
«В этом доме...»	62
«По дороге...»	—
«Я гляжу...»	—

**ПОД ПРИВОЛЬНЫЙ ШУМ
ОСЕННЕГО ВЕТРА**

«Небо родины...»	63
«Как будто положил я в изголовье...»	—
«Божественно величавы...»	64
«Словно на грани исчезновения...»	—
«Познает скорбь...»	—
«Лужа воды...»	65
«Начало осени...»	—
«Грустный...»	—
«Перекресток осенний...»	66
«Осени голос...»	—
«Привычная для взгляда...»	—
«Сегодня приснилось мне...»	67
«С тихим шелестом...»	—
«Всего лишь попытка...»	—
«Между плеч...»	68
«Не знаю, когда...»	—
«О, хоть на время...»	—
«Словно когда-то...»	69
«Пора десятой луны...»	—
«Солнце!..»	—
«Осеннее небо...»	70
«После дождя...»	—

«В день, когда голодал я...»	70
«Сверчок звенит в траве...»	71
«Жаркие слезы...»	—
«О, если б на этом...»	—
«Как будто встретился я вновь...»	72
«Словно отец...»	—
«Гора Иватэ...»	—
«Осень настала...»	73
«Долгий месяц» уже на исходе...»	—
«Незабудки...»	—
«Ветер в соснах...»	74
«Легкий запах...»	—
«Словно дождь зашумел...»	—
«Чаша леса...»	75
«Вначале были леса...»	—
«Без конца и без края...»	—
«Лунный свет...»	76
«Грустные звуки ночные...»	—
«Как, вернувшись в деревню свою...»	—

ТЕ, КОТОРЫХ МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ. I

«На северном берегу...»	77
«Я посчитал...»	—
«Бывало, закрыв глаза...»	78
«Сюда...»	—
«Укачало на пароходе...»	—
«Молодая учительница...»	79
«Друг мой...»	—
«Новая...»	—
«Хакодатэ...»	80
«Белые волны...»	—
«Хакодатэ...»	—
«В горах он скрылся...»	81

«В тумане ночном...»	81
«Невесело...»	—
«Смолоду...»	82
«Я подавил зевок...»	—
«На мокром окне...»	—
«Нет, я не гордился ими...»	83
«Словно в сгусток...»	—
«Ударю!» — говорили мне...»	—
«Увы! Тот юноша...»	84
«Ладонью...»	—
«Как мне бездействие противно...»	—
«И вдруг — на бледной...»	85
«Я друга...»	—
«Летел навстречу мокрый снег...»	—
«Покурить бы, да табачок забыл...»	86
«Застылый пар...»	—
«Бушует вихрь...»	—
«Погребена под белыми снегами...»	87
«Здесь с одиночеством...»	—
«Название станции объявлял...»	—
«Я на последней станции сошел...»	88
«Белым-белым блеском...»	—
«Только голос...»	—
«Ворошит тополя...»	89
«С хрустом и шорохом...»	—
«Прижавшись к моему плечу...»	—
«Скрипели...»	90
«Как видение божества...»	—
«Северные скитанья мои...»	—

ТЕ, КОТОРЫХ МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ. II

«Во сне твой голос...»	91
«Как путник...»	—

«Бывают такие мысли...»	92
«Словно их глубина...»	—
«О самом единственно-важном...»	—
«Как трещина...»	93
«С безучастным видом...»	—
«Да, говорят недаром...»	—
«Как на чужбине...»	94
«Лишь покажется мне...»	—
«Я слышал...»	—
«Если на улице вдруг...»	95
«В моей суматошной жизни...»	—
«Года за годами бегут...»	—
«Домик твой в саду...»	96
«Три длинных письма от тебя...»	—

СНИМАЯ ПЕРЧАТКУ

«Снимал я перчатку...»	97
«В холодном-холодном...»	—
«Быть может, оттого я так печален...»	98
«Наконец-то...»	—
«Оконное стекло...»	—
«Шесть лет...»	99
«Тянутся, тянутся без конца...»	—
«На грязные стены из кирпича...»	—
«Вот молодая женщина...»	100
«Иду...»	—
«Аромат молодых деревьев...»	—
«На душе у меня так печально...»	101
«Зимняя улица...»	—
«Груды белых тарелок...»	—
«Молодого салата...»	102
«Вечером...»	—
«Один поцелуй...»	—

«Из маленького...»	103
«Бросил на полуслове...»	—
«Курю...»	—
«Я вдруг остро...»	104
«Перед празднично убранной...»	—
«Она придет»,— мне сказали...»	—
«Где-то вбивают кол...»	105
«Ни души в газетном бюро...»	—
«У пологого ската холма...»	—
«Там на горе...»	106
«Морская гавань...»	—
«Пора осеннего тепла...»	—
«Друг за другом плывут...»	107
«Отец мой...»	—
«Дуновеньем утреннего ветерка...»	—
«Отчего-то мне вдруг...»	108
«Сколько б ни встретилось мне...»	—
«Я ехал в поезде далёко...»	—
«Рано утром...»	109
«Я думал в поезде...»	—
«Лесная глушь...»	—
«Мы простились...»	110
«Продаю...»	—
«Беспричинно...»	—
«Красной обложки...»	111
«По дороге осенним утром...»	—
«Осенний несется ветер...»	—
«Затуманенные влагой глаза...»	112
«Когда ни взгляну на нее...»	—
«Жалобно-тонко...»	—
«Поздней ночью...»	113
«Несчастливая моя любовь!...»	—
«Глубокой ночью...»	—
«Как боязливый разведчик...»	114

«Ночью мне почудилось вдруг...»	114
«Поздно ночью...»	—
«Вдруг сыростью...»	115
«Словно из дикой пустыни...»	—
«Под самыми окнами банка...»	—
«Тёнтён...»	116
«Был октябрь...»	—
«Впервые...»	—
«Было так у меня на душе...»	117
«Я чиркнул спичкой...»	—
«Я закрыл глаза...»	—
«Между деревьями парка...»	118
«Я так и вадрогнул!..»	—
«Не позабыть мне...»	—
«Ребенка...»	119
«В два-три голоса...»	—
«Бывало, едва с работы...»	—
«В ту пору...»	120

ИЗ КНИГИ «ГРУСТНАЯ ИГРУШКА»

«Стоит мне только вздохнуть...»	123
«Во дворе заигралась...»	—
«Закрою глаза...»	124
«Как хочется книг!..»	—
«Я вышел из дому...»	—
«Как пересохло горло!..»	125
«Светлое зимнее утро...»	—
«Я книгу взял...»	—
«На полпути пересадка...»	126
«Внезапно подумал я...»	—
«Ночью я вышел из комнаты...»	—
«Пусть будет...»	127»

«Как поезд...»	127
«Жалкая, на серой бумаге...»	—
«Так давно не случалось...»	128
«О да, я верю...»	—
«Я вдруг по горам стосковался...»	—
«Гляжу на свои...»	129
«Запачканные руки...»	—
«В новогодний день...»	—
«Нечаянно чашку разбил...»	130
«Звонкий стук...»	—
«Наверно, в новом году...»	—
«Засыпая...»	131
«Письмо с поздравлением...»	—
«Странная у меня голова!..»	—
«Все люди...»	132
«Словно свеча...»	—
«Или это уходит от меня...»	—
«Словно я хлопнул в ладоши...»	133
«Новый год миновал...»	—
«Плача...»	—
«В воротник пальто...»	134
«Сегодня отказались от вина...»	—
«Человеку моложе меня...»	—
«Чтобы за ночь одну...»	135
«Я ждал его...»	—
«Номер старой газеты...»	—
«В сумятице переезда...»	136
«Не замечал я...»	—
«Где они?...»	—
«Только проснулся...»	137
«Уже, наверно, лет пять...»	—
«Всерьез уверена...»	—
«В то время...»	138
«У нас родился ребенок...»	—

«Я дверь толкнул...»	138
«Как будто я сбросил с плеч...»	139
«Так, значит...»	—
«Я о себе...»	—
«Теперь я уверилась...»	140
«Жена моя с дочкой...»	—
«Ну, спите ночью...»	—
«Падает путано, сбивчиво...»	141
«Когда-нибудь...»	—
«Пять долгих лет...»	—
«Как весной...»	142
«Нежданно...»	—
«Это судьба моя...»	—
«Пульс...»	143
«Не знаю сам почему...»	—
«Наверно, товарищам и жене...»	—
«Не ходи на отца!..»	144
«Всего пять лет...»	—
«Что в голову ей пришло?..»	—
«Все смотрит на циновку...»	145
«Русское имя...»	—
«О бедный мой отец!..»	—
«Я дочку побранил...»	146
«Подушку с постели моей...»	—
«Беленькая собака...»	—

ИЗ КНИГИ «СВИСТ И СВИСТОК»

После бесконечных споров	149
Надгробная надпись	150
В старом чемодане	152
Дом	153
Аэроплан	155

**СТИХИ ИЗ КНИГИ «СТРЕМЛЕНИЯ»
И СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ**

Памяти адмирала Макарова	159
Кукушка	163
Сломанная скамья	165
Листок ивы	166
После долгих споров	—
Новая столица	167
«Я в детстве спросил свою мать...»	168
«Солнце зашло...»	—
«Кто посмеет меня упрекнуть...»	169
«Товарищ мой, наверно...»	—
«Отчего-то вокруг меня...»	—
«Я нарочно...»	170
«Запрещенная книга...»	—
«Семь раз...»	—
«Женщина, друг мой!..»	171
«Когда я взвел курок...»	—
Без заглавия	—
Примечания	172

Для старшего возраста

Исикава Такубоку

ЛИРИКА

ИБ № 4030

Ответственный редактор

С. К. Беркман.

Художественный редактор

И. Г. Найденова

Технический редактор

Г. Г. Седова

Корректоры

Ж. Ю. Румянцева и

Г. В. Русакова

Сдано в набор 12.08.80. Подписано к печати 13.02.81. Формат 70×100^{1/32}. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,8. Усл. кр. отт. 15,93. Уч.-изд. л. 4,97. Тираж 100 000 экз. Заказ № 87. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 2-я Советская, 7.

Такубоку Исикава

Т 15

Лирика/Пер. с японск., составл., предисл. и примеч. Веры Марковой; Рис. Л. Бирюкова.—М.: Дет. лит., 1981.— 190 с., ил. (Поэтическая б-ка школьника).

В пер.: 40 к.

В книгу избранной лирики замечательного японского поэта XX века Исикава Такубоку входят пятистишия — танка и так называемые длинные стихи.

70803—220

Т-----281—81

И (Яп)

М101 (03)81

